

Стрелок. Несостоявшийся граф

Автор:

Иван Оченков

Стрелок. Несостоявшийся граф

Иван Валерьевич Оченков

Военная фантастика (АСТ)Стрелок #5

Мечта Дмитрия Будищева осуществилась – он стал офицером и дворянином, и теперь ничего не мешает его карьере. Он даже может жениться на дочери придворного банкира, но тот выставляет условие, чтобы его будущий зять получил признание от предполагаемого отца и титул. Граф Блудов согласен признать его сыном, а император утвердить это, но, как оказалось, царя-освободителя хотят убить не только террористы. Среди царского окружения много влиятельных господ, мечтающих, чтобы реформы были остановлены, а история повернула вспять. По их приказу полиция арестовала воспитанницу героя Стешу, и теперь Будищева шантажируют, требуя, чтобы он сделал грязную работу вместо народныхольцев. Но эти люди даже не подозревают, с кем они связались.

Иван Оченков

Стрелок. Несостоявшийся граф

Цикл Ивана Оченкова

СТРЕЛОК

Стрелок. Путь на Балканы

Стрелок. Путь в террор

Стрелок. Путь в Туркестан

Стрелок. Митральезы для Белого генерала

Стрелок. Несостоявшийся граф

© Иван Оченков, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Говорят, что русские – народ настолько суровый, что из всех времен года более всего предпочитают зиму. И то сказать, грязь – известная спутница дорог в их богоспасаемом отечестве – замерзла, мошкара не летает, на улицах чисто от свежевыпавшего снега, и под его покровом незаметна неустроенность их быта. Сами они люди грубые и к морозу совершенно нечувствительные, а богатые шубы носят с единственной целью – показать свое богатство.

Вот только кто так говорит, никогда не ютился в продуваемом всеми ветрами бараке на окраине Петербурга, не кутался, идя на работу, в тонкую кацавейку на рыбьем меху, не сходил с ума в раздумьях, как потратить свои невеликие средства. Купить ли у бородатых возчиков телегу дров, а потом кусать локти в тепле, оставшись без хлеба, или же грызть промерзшую корочку, кутаясь в разное тряпье возле давно остывшей печи.

Впрочем, у Стеши Филипповой дела обстояли еще не так плохо. Слава богу, не стала она продавать свой домик в рабочей слободке, оставшийся ей от покойного батюшки. А ведь приходили люди. Деньги, вправду сказать, предлагали невеликие, особенно в ее тогдашнем положении...

Было дело, спала на мягкой постели, одевалась как настоящая барышня, ела каждый день то, что нынешние ее соседи не на всякий праздник видели. Работа, правда, не сказать, чтобы легкая была, но где вы ее видели легкую-то?

Хотя работа никуда не делась, спасибо господину Барановскому. Барин он добрый, к тому же обещал своему компаньону, что будет за нею присматривать. И хотя, когда слово давал, никто и представить не мог, что все так обернется... но не отступился, помог. Звал даже к себе жить, благо квартира у него большая, да только не захотела Степанида в приживалки идти.

Дома у нее, слава богу, тепло. Опять же спасибо Владимиру Степановичу. Заехал посмотреть, как она устроилась на прежнем месте, все как есть оглядел, слова худого не сказал, а на утро фабричный возчик Ерема Хватов выгрузил у ее двора целую телегу дров, причем уже поколотых.

– Ну что, идем? – появился на пороге Семен.

Вот уже и он – Семен, хотя сколько ему годов-то? Был соседский мальчишка, сопливый да чумазый, которого все в шутку звали Стешиным женишком, а теперь вытянулся, окреп и даже говорить старался степенно, как взрослый. Еще бы голос не ломался, сбиваясь с юношеского баска на дискант, так и впрямь жених!

Степанида, впрочем, росла девушкой серьезной и о таких пустяках вовсе и не думала, не говоря уж о том, что четырнадцатилетний Семка для нее был как младший брат. Вот и теперь она первым делом проявила заботу.

– Мой руки и садись завтракать!

– Я не голодный, – сделал слабую попытку отказаться парень.

– Ничего не знаю! – строго сказала девушка, и тому пришлось повиноваться.

В будние дни они перекусывали прямо на фабрике, где ее хозяин, Дмитрий Николаевич Будищев, распорядился завести небольшую кухню и кормить своих юных рабочих. Готовила там прежде Стеша. Впрочем, обязанность эта была совсем необременительной. Ученики сами растапливали печь, таскали воду и

мыли после еды котелок, и без того выскобленный вечно голодными мальчишками до зеркального блеска. Так что на долю девушки оставались только готовка да закупка продуктов.

На обед все работники, как одна большая семья, собирались за общим столом. Семка, важный от осознания доверенного ему дела, резал хлеб и наделял каждого порцией. Ели из общей миски, по очереди черпая каждый своей ложкой, строго следя, чтобы всем досталось поровну.

Барановский, бывший совладельцем фабрики и управлявший ею в отсутствие компаньона, в целом эту практику одобрил, но счел, что у девушки довольно и своей работы, а потому озаботился нанять кухарку.

Но сегодня было воскресенье и на работу, точнее службу, идти не надо. Зато надо идти в воскресную школу, потому как неграмотный гальванер – хуже обезьяны с гранатой. Никогда не угадаешь, что он вычудит. Так частенько говаривал сам Будищев, который почти два года назад стал наставником Семену, а ей заменил отца.

Человеком Дмитрий Николаевич был непростым. Нельзя сказать, чтобы добрым, но вместе с тем и не злым. Геройски воевал с турками в последнюю войну[1 - Имеется в виду Русско-турецкая война 1877–1878 годов.], на которой и заслужил полный георгиевский бант. Неизвестно где учился, а знал и умел так много, что иные профессора диву давались, но писал при этом с ошибками. В паспорте его было записано, что родом из крестьян Ярославской губернии, но водил знакомства с аристократами.

Только это все в прошлом, поскольку уже в Питере Будищев перешел в мещанское сословие и открыл мастерскую, которая вскоре разрослась до небольшой фабрики, которую он держал на паях с братьями Барановскими. Потом поступил на флот, чтобы выйти в офицеры, только воевать почему-то отправился в пески Закаспийского края. Стеша узнавала, море там хоть и близко, а все же по пустыне на корабле не поплаваешь... или правильно – походишь?

– Вкусно! – шумно выдохнул Семка, прихлебывая из блюдца горячий чай и заедая его бубликом.

По меркам их слободки, настоящий чай был роскошью. Простые люди и морковный не каждый день видели, а тут китайская травка[2 - Автор в курсе, что чай – куст, но так его тогда называли – «китайская травка».], заваренная в маленьком медном чайнике. К тому же, что надо сделать, чтобы просто попить чаю? Наколоть щепы, растопить самовар и... получить целое ведро кипятка! А тут немного пошумела маленькая машинка с чудным названием «примус» – и вот вам пожалуйста. Примус, кстати, тоже Дмитрий изобрел. Теперь их на фабрике господ Барановских делают, и расходятся они как горячие пирожки в базарный день.

– То-то, что вкусно, – усмехнулась девушка и тут же перевела разговор на другую тему: – Сказывают, Прохор опять за тобой гонялся?

– Пусть гоняется, – беспечно отмахнулся мальчишка.

– Гляди, как бы беды не случилось, – озабоченно покачала головой Стеша, но у юного «женишка» имелось на этот счет свое мнение.

Прохор был здоровым мужиком лет примерно двадцати пяти от роду. Служил приказчиком в мелочной лавке и считался по здешним местам первым парнем в рабочей слободке, или, иначе говоря, бабником. И то сказать, мужчина он был видный. Косая сажень в плечах, смазливая физиономия и густой чуб из-под лакового козырька картуза смутили покой множества девичьих сердец и лишили сна их обладательниц. Опять же, при деньгах. Мог и красивый платок подарить, и пряниками угостить, и вообще... Жениться он, правда, намерения не имел, но понимание этого факта приходило к местным красавицам обычно слишком поздно.

Прочим парням это, разумеется, не сильно нравилось, но приказчик, во-первых, был силен как черт, а во-вторых, обычно ходил не иначе как вместе с целой толпой прихлебателей. И так уж получилось, что единственным рискнувшим бросить ему вызов оказался Семен.

Это случилось, когда Стеша только вернулась к себе в слободку. Необычная девушка, коротко, но при этом неожиданно красиво стриженная, да еще и одетая, как настоящая барышня, сразу привлекла к себе внимание местного Казановы. Здравомысленно рассудив, что раз она вернулась к себе из богатой квартиры, значит, господа ею уже попользовались и выставили вон – стало быть, и ему

можно. Ну а что, дело-то житейское! Уверенный в собственной неотразимости приказчик не стал тратить время зря и на первых же посиделках подкатился к ней с пряниками.

– Скушайте, Степанида Акимовна, не побрезгуйте. А то вон как отощали на господских харчах.

Толпившиеся за его спиной дружки тут же заржали, будто стоялые жеребцы, но Стешу было трудно смутить подобными глупостями.

– Благодарствую, Прохор Кузьмич, за угощение, – кротко улыбнулась она. – Только я на ночь не ем. Боюсь, растолстею, как вы, и в дверь проходить перестану.

Никак не ожидавший подобного ответа приказчик осекся и машинально потер ушибленную незадолго до того о низкую притолоку голову, под залиvistый девичий смех подружек его несостоявшейся жертвы. Впрочем, отступать было не в его правилах, и когда начались танцы, он несколько раз прошелся гоголем мимо лихо отплясывающих девушек, гулко топая при этом начищенными до нестерпимого блеску сапогами. Увы, и это не помогло. Коварная девица и не подумала проникнуться оказанной ей честью, а выбив каблучками дробь, неожиданно запела:

У Финляндского вокзала

Я милёночку сказала:

Облысел ты, не дорос,

Полезай на паровоз! [3 - Из сборника питерских частушек Льва Вайсфельда и Натальи Резник.]

Многочисленные слушатели поначалу остолбенели, а потом, глядя на вытянувшееся лицо кавалера, едва не закинули от смеха. Надо сказать, что «частушки» еще не успели завоевать популярность в народе. До сих пор в Питере их пели только перебравшиеся с берегов Волги вчерашние крестьяне, а местные поначалу воротили нос. Сама Стеша их слышала прежде только от сослуживца Будищева – Феди Шматова. Да и сам Дмитрий иногда выдавал нечто стихотворное, в особенности если подвыпил или думал, что его никто не

слышит, потому как звучали они на редкость неприлично.

Пропев еще несколько подобных куплетов и вконец оконфузив чрезмерно настойчивого ухажера, девушка вернулась на место и больше не плясала. Она вообще не хотела идти на гулянку, да подружки уговорили. Чего, мол, сидишь дома, как клуша? Так вся молодость и пройдет! Вот и сходила...

Пришло время отправляться по домам. Одни разбились на пары, желая еще хоть немножечко побыть вдвоем, другие возвращались домой компаниями, продолжая перешучиваться и смеяться. Степанида была из последних, но как-то так получилось, что товарок ее оттерли в сторону и девушка осталась одна. А стоило повернуть за угол, как перед ней оказался разгоряченный и злой приказчик.

– Чего кобенишься? – тяжело дыша, спросил «поклонник», обдав предмет своей страсти «ароматом» сивухи.

– Отстань, не то закричу! – с трудом сохраняя спокойствие, заявила Стеша.

– Валяй! – осклабился парень, а потом резко кинулся на нее, как коршун на добычу, и попытался схватить.

В первый раз девушке удалось вывернуться и броситься бежать, но разве от такого сбежишь? Оказавшийся неожиданно резвым приказчик в три прыжка настиг ее. Прижав свою жертву к забору, он принялся грубо хватать ее руками, пытаясь забраться под нарядную шубку, затем попытался поцеловать, но лишь обслюнявил толстыми губами щеку. В этот момент отчаянно извивавшейся девушке удалось-таки залепить ему кулачком в глаз и лягнуть по колену ногой.

– Ах ты, дрянь! – рассвирепел обманутый в своих ожиданиях приказчик и ударил в ответ.

Дыхание Стеши сразу сбилось, ноги стали подкашиваться, в глазах потемнело, и одному богу известно, чем бы все это кончилось, если бы не Семка!

Хотя по малолетству ему еще не полагалось посещать посиделки, но оставить «невестушку» без присмотра он не мог. Тайком пробравшись в сени, мальчишка

весь вечер просидел там тихо, как мышь. Один раз даже чуть не задремал, но, слава богу, начались танцы, а под топот пляшущих разве уснешь? Когда же гулянка закончилась, Семен так же незаметно выскользнул наружу и дожидался Степаниду там.

Увидев, какое непотребство творит совершенно потерявший рассудок приказчик, парень, ни секунды не раздумывая, бросился в драку. Конечно, справиться с таким бугаем, как Прохор, четырнадцатилетнему подростку было не под силу, но Будищев в свое время успел его кое-чему научить.

Оторвав от ближайшего забора расколовшуюся штакетину, мальчишка не раздумывая ткнул острым концом под колено негодяю. Такой подлости Прошка никак не ожидал и, неожиданно тонко по-бабьи взвизгнув, отпустил свою жертву. Воспользовавшись этим, Семка подхватил Стешу за руку и бросился бежать, увлекая ее за собой.

– Сука! Подстилка барская! – орал им вслед оскорбленный в лучших чувствах ценитель «большой и светлой любви», но было поздно.

Любвеобильный приказчик с той поры затаил злобу, но Степанида более по гулянкам не ходила и нигде ему не попадалась. Вломиться к ней в дом он тоже не решился, за такое можно и в участок загреметь. Оставался только Семен, но такого юркого мальчишку еще попробуй поймай! Пришлось просить о помощи прихлебателей, но те неожиданно отказали.

– Извиняй, Проша, – смотря в сторону, отвечали дружки, – но Митька Будищев за этого мальчика два года назад цельного мастера в больницу отправил, и ничего ему за это не сотворилось. Виданное ли дело, даже из полиции без побоев отпустили, даром, что он тогда еще просто мастеровым был. Ей-богу, ты бы уговорился, пока лиха не приключилось.

– Ладно! – скрипнул зубами Прохор, и не подумав успокаиваться.

С тех пор он несколько раз пытался поймать и избить мальчишку сам, но пока без особого успеха.

– Ну что, поел? – ласково улыбаясь, поинтересовалась девушка.

– Ага, – отозвался тот, отодвигая от себя пустой стакан в красивом подстаканнике. – Пойдем?

– Остынь немного, – остановила торопыгу Стеша. – Не то простудишься на морозе.

– Нет, я закаленный! – горделиво заявил Семка, но спорить не стал и послушно высидел еще пару минут, а потом они оделись и вышли.

Утро выдалось морозным и, наверное, его можно было даже назвать свежим. Где-нибудь за городом или ближе к центру, потому что в рабочей слободке снег был почти полностью покрыт сажей, вылетевшей из заводских труб. Но все же безоблачное небо и начинавшее пригревать солнышко настраивали на праздничный лад. Взявшись за руки, они направились было в воскресную школу, как вдруг на их улочке появились сани извозчика.

Событие это было, прямо скажем, неординарным. Местные себе такого позволить не могли, а чужие к ним не заезжали. В последний раз здесь на своем экипаже появлялся Барановский, но он все же здешний фабрикант, его все знали, а теперь залетный лихач явно вез кого-то чужого.

– Интересно, кто это? – заинтересовался Семен.

– Не знаю, – покачала головой девушка, но сердце ее при этом быстро-быстро забилося от какого-то предчувствия.

Между тем ладная кобылка гневой масти, презрительно фыркая, что ее заставили тащиться в эдакое захолустье, поравнялась с ними.

– Тпру! – подал голос возница и, обернувшись к седоку, почтительно спросил: – Вам точно сюда, ваше благородие?

– Сюда-сюда, – криво усмехнулся черноусый офицер во флотской шинели и выскочил наружу, повелительно велел кучеру: – Жди здесь!

– Как прикажете, – пожал плечами лихач, всем своим видом показывая, что за такие деньги его пассажир может даже с моста в прорубь прыгнуть, уж он-то

перечить не станет.

– Ну что застыли? – обратился моряк к застывшей парочке. – Или не узнали?

– Митька! – восторженно завопил мальчишка и, бросившись навстречу Будищеву, повис у него на шее.

Девушка реагировала чуть более сдержанно, но потом не выдержала и тоже кинулась обнимать Дмитрия.

– Тише вы, – счастливо смеялся тот, – завалите еще.

– Как хорошо, что ты приехал! – радовались Семен со Стешей.

– Я ненадолго, – сразу же предупредил Будищев немного виноватым тоном.

– Но почему?!

– Дела. Надо батарею до Кронштадта доставить, кучу отчетов сдать и вообще...

– Значит, не останешься?

– И рад бы, да не могу. Мои матросы сейчас на станции кукуют, ждут отправки, а я к вам рванул.

– И когда теперь приедешь?

– Как только освобожусь. Думаю, через неделю, максимум полторы. Тогда и гостинцы раздам.

– Почему ты не писал?

– Так получилось. Дел много, война кругом.

– Федя вот находил время, – со значением в голосе заметила девушка. – Кстати, а где он?

– Скоро будет, – отозвался Будищев и поспешил перевести разговор на другую тему: – Вы куда такие красивые направлялись?

– В воскресную школу.

– Это дело богоугодное. Но после нее еще кое-куда сходите. Хорошо?

– Да я сейчас сбегая, – загорелся мальчишка.

– Сказано тебе, после школы! – строго прервал его наставник и, лишь убедившись, что Семка проникся, продолжил: – Значит так. Первым делом отнесете вот этот конверт Барановскому Владимиру Степановичу. Отдать лично в руки, ясно?

– Ага.

– Ни прислуге, ни жене, ни брату или теще, а только ему!

– Да понял я!

– Надеюсь, – вздохнул Дмитрий, после чего внимательно посмотрел на них и со вздохом спросил: – Сами-то как?

– Хорошо.

– Вот вам немножко денег... бери, говорю, и не спорь со старшими!

– Я тебе рассказать хотел... – сунулся было Семка.

– Потом. Все потом, дружище. А теперь мне пора, пока мои орлы ничего не натворили...

– Скорее возвращайся.

– Всенепременно! Вот разгребусь с делами и к вам...

– Мы будем ждать.

Дмитрий немного помялся, но потом все же решился и спросил:

– Где Гесья, знаете?

– В Петропавловке. К ней никого не пускают, передачи не принимают.

– Вот как?

– Ага. Владимир Степанович нанял адвоката, но тот нам ничего не говорит.

– Я понял. Мне пора. Простите, ребятки, что так вышло... Как вы все-таки повзрослели за это время, особенно ты, Стеша. Гляди, Семен, уведут невесту!

С этими словами он еще раз обнял детей, поцеловал девушку в щеку, потрепал парня и, вернувшись в сани, скомандовал:

– Трогай!

– Но, мертвая! – обрадованно рыкнул извозчик и свистнул кнутом.

Услышав знакомый звук, лошадь заржала, красиво изогнув лебединую шею, и налегла на постромки. Сани тронулись, за ними побежали местные мальчишки, закутанные в потрепанную одежду, а Семка со Стешей остались одни.

– И что ты хотел Дмитрию рассказать? – не предвещавшим ничего доброго голосом поинтересовалась девушка.

– О том самом! – отрезал мальчишка, с вызовом посмотрев на нее.

– Не надо ему сейчас говорить, – покачала головой Степанида. – Ты же его знаешь. Пусть успокоится сначала.

* * *

Главный командир Кронштадтского порта адмирал Казакевич встретил Будищева вполне любезно, можно даже сказать радушно. Конечно, генерал-адъютанту свиты его величества и полному адмиралу не к лицу встречаться с обычным прапорщиком, да еще и выслужившимся из нижних чинов, но, по всей видимости, старого морского волка разбирало любопытство.

– Весьма рад вашему триумфальному возвращению, сударь мой! – гулко пробасил Петр Васильевич и подкрутил по-запорожски длинный седой ус. – Уезжали кондуктором, а вернулись офицером. Без году неделя в чинах, а в формуляре уже есть запись, что приняли под командование батарею. Неужто у Скобелева других офицеров под рукой не нашлось?

– Офицеры были, ваше высокопревосходительство, – с достоинством отвечал ему Дмитрий, – только лучше меня никого!

– А вы гордец! – не то порицая, не то хваля, заметил адмирал.

– Никак нет. Но цену себе знаю!

– Ладно, – махнул рукой командир порта. – Ведомы мне ваши обстоятельства. Но уж теперь-то родитель должен признать сына. Как располагаете?

– А мне, ваше высокопревосходительство, без разницы. Признает – хорошо, не признает, тоже не пропаду!

– Это вы, сударь мой, зря, – покачал головой Казакевич. – Как ни крути, а графом лучше быть, чем простым дворянином. Ну да бог с ним, с титулом. Не знаю, как отец ваш, а государь, помяните мое слово, эдакую службу без награды не оставит.

– Рад стараться!

– А вот эти ухватки оставьте, чай, теперь не унтер, – нахмурился адмирал, но потом с благодушной усмешкой махнул рукой. – Ладно, пообтешетесь еще. Какие ваши годы. Экзамен будете на мичмана держать?

– Никак нет.

– Как знаете, – с едва заметным облегчением кивнул Петр Васильевич.

Большая часть службы Казакевича прошла в царствование блаженной памяти императора Николая I. Поступив в Морской кадетский корпус вскоре после казни главарей восстания 14 декабря[4 - То есть декабристов.], он с тех пор не снимал флотской формы. Служил на Балтике и в Средиземном море. На Тихом океане побывал везде – от Гавайских островов до Камчатки. При губернаторе Муравьеве исследовал вместе с Невельским устье Амура. Как и большинство адмиралов, сделавших карьеру под началом великого князя генерал-адмирала Константина Николаевича, отличался либеральными взглядами, но... пусть выслужившиеся из нижних чинов занимают вакансии в портовых службах, а не в кают-компаниях боевых кораблей!

– Прошу прощения, ваше высокопревосходительство, – начал Будищев, обративший внимание на странную конструкцию, стоящую на столе командира над портом. – А что это?

Неведомое сооружение представляло собой прямоугольную плоскость с прорезями для трех винтов, водруженную на четырехколесную тележку. Посреди нее гондола с макетом паровой машины, а позади нечто вроде хвостового оперения. Судя по всему, это было неким прообразом самолета, но уж больно нескладным.

– Ах это, – благодушно усмехнулся адмирал. – Это некоторым образом модель воздухоплавательного судна. Это один из преподавателей Морского корпуса капитан первого ранга Можайский мне презентовал. Он, как и вы, изволите ли видеть, изобретатель. Любопытный механизм, не правда ли?

– Очень!

– Нравится?

– Как вам сказать, господин адмирал...

– Да говорите прямо, не стесняйтесь. Александра Федоровича здесь нет, а я не обижусь.

– Этот паровоз не полетит!

– Вот как? Хотя я, грешным делом, и сам так думаю. Но оставим дела воздушные силам горним[5 - То есть высшим, небесным.]. Как вы, по всей вероятности, и сами понимаете, прапорщики в Российском императорском флоте над батареями не начальствуют. Посему извольте передать команду капитан-лейтенанту Рожественскому. Он уж кой год в комиссии артиллерийских опытов обретается. Пусть лучше делом займется. Учтите, офицер он весьма требовательный и знающий.

– Как прикажете, – пожал плечами Будищев.

– Кстати, я слышал, что вы категорически отказались сдавать свои митральезы в Бакинский порт. Почему?

– Дело в том, господин адмирал, что согласно контракту, после года эксплуатации они должны быть доставлены на завод-производитель с целью дефектовки и исправления возникших неисправностей. Я не хотел, чтобы у казны были претензии по этому поводу.

– Разумно. Впрочем, вы, кажется, не только изобретатель, но и компаньон господина Барановского?

– Не совсем. У нас с ним совместная гальваническая мастерская, это верно. Но фабрика, производшая митральезы, принадлежит Владимиру Степановичу и Петру Викторовичу Барановским.

– У вас есть какие-нибудь просьбы?

– Если возможно, ваше высокопревосходительство, я хотел бы получить отпуск для устройства личных дел.

– Не вижу препятствий. Войны теперь никакой нет, послужили вы весьма исправно. Сдавайте команду и можете считать себя свободным. Двух недель вам хватит?

– Так точно!

– Вот и славно. В таком случае, сударь мой, я вас более не задерживаю. Ступайте. И не забудьте подать прошение в департамент герольдии, о внесении вас в списки дворянства.

Прощание с личным составом батареи вышло трогательным. Будищев оплатил в одном из местных кабаков ведро[б - Ведро – русская мера объема. 12,3 литра.] хлебного вина для своих подчиненных, а матросы по обычаю преподнесли своему теперь уже бывшему командиру икону Николая Чудотворца.

– Спасибо, конечно, братцы, – хмыкнул Дмитрий, не зная, что делать с таким подарком.

– Оченно было приятственно служить под вашей командой! – прочувствованно заявил подносящий реликвию Нечипоренко. – Так что, ваше благородие, извольте принять.

На фланельке унтера красовался уже второй георгиевский крест, с которым старому знакомому Будищева открывалась прямая дорога в кондукторы.

– Я вижу, матросы вас любят, – заметил присутствующий при этом новый командир.

Зиновию Петровичу Рождественскому шел тридцать третий год – возраст Христа. Он оказался довольно приятным в общении человеком. При приеме дел погонами не давил, но старался вникнуть во всякую мелочь. Судя по всему, он хорошо знал, кто такой Будищев, а потому держался подчеркнуто любезно. Беда была лишь в том, что Дмитрий тоже знал, кто перед ним, причем даже лучше, чем сам капитан-лейтенант.

Это случилось давно, во время прошлой жизни в далеком будущем. Одиннадцатилетний Дима простудился, и врач, недолго думая, отправил его в изолятор. Делать там было решительно нечего, сбежать тоже не получалось, но сердобольный воспитатель принес мальчику толстую книгу, чтобы тому было чем заняться. На сильно потрепанной от долгого использования обложке проступало написанное крупными буквами непонятное слово «Цусима»!

Да, перед ним был будущий виновник самого оглушительного разгрома русского флота. В какой-то момент Дмитрий даже задумался, а не может ли произойти с

митральезами какой-нибудь несчастный случай? Выстрел там или еще чего... но капитан-лейтенант пока что не сделал ему ничего дурного, да к тому же совсем не походил на жестокого самодура, описанного Новиковым.

* * *

В квартире Барановских было тесно от обилия гостей. Помимо отца и братьев, чувствовать вернувшегося с войны героя приехал сам Путилов. Николай Иванович в последнее время сильно сдал, но держался бодро. Расточал галантные комплименты дамам, с воодушевлением рассказывал о своих планах мужчинам и даже предложил тост в честь «будущего российской промышленности», то есть виновника торжества – Дмитрия Будищева.

Тогда его слова показались многим неуместными, но возражать никто конечно же не стал. Накануне вышел именной указ императора Александра II, проливший дождь наград на участников Ахалтекинской экспедиции. Помимо памятных медалей, бронзовых для нижних чинов и статских и серебряных для офицеров, медиков и представителей священства, жаловались чины, ордена, золотое оружие и много еще чего.

Не обошли и Будищева, грудь которого помимо памятной медали украсил уже теперь офицерский орден Святого Георгия четвертой степени, а эфес палаша – аннинский темляк[7 - Орден Святой Анны IV степени.]. Кроме того, за изобретение митральезы собственной конструкции, так хорошо проявившей себя в боях, последовало производство в следующий чин и денежная премия в десять тысяч рублей.

– Поскупились, – криво усмехнулся награжденный, оставшись наедине с хозяином.

– Не берите в голову, Дмитрий Николаевич, – поспешил успокоить компаньона Барановский. – Деньги, может, и не столь велики, но за них не стоит беспокоиться. Ваш «примус» это, как вы говорите, просто бомба! Спросом пользуются необыкновенным. Заказы, не поверите, расписаны на три года вперед!

– Расширяетесь?

– Да, – лицо фабриканта лучилось довольством. – Петру Викторовичу удалось выкупить хороший участок земли совсем рядом с моим. Думаем перенести туда сборочный цех.

– Это долго, – задумался Будищев. – Может, производить детали на сторонних предприятиях, а себе оставить сборку и наладку?

– Так и делаем, – улыбка делового партнера стала еще шире.

– Из-за бугра заказы есть?

– Из-за границы? – переспросил Барановский. – О, да! К тому же многие иностранные компании проявляют весьма, я бы сказал, недвусмысленный интерес. Даже господин Нобель, у которого я прежде служил, справлялся о возможности приобретения лицензии.

– Надеюсь, вы его послали?

– Не столь грубо, но в общем да, – улыбнулся с довольным видом Владимир Степанович, сохранивший не самые лучшие воспоминания о своем прежнем работодателе. – Внутренний рынок оставим себе в любом случае. А вот с экспортом, боюсь, не справимся. Но не извольте волноваться. Вы свои авторские отчисления получите при любом раскладе.

– Нисколько не сомневаюсь, – согнал с лица улыбку Будищев. – Просто, пока мы одни, я хотел кое-что уточнить.

– Вы, верно, о Гедвиге Генриховне? – помрачнел фабрикант.

Новоиспеченный подпоручик на мгновение окаменел лицом, но затем кивнул и испытующе посмотрел на своего компаньона.

– Что же, вы правы, нам надобно переговорить, – помялся Барановский, затем набрал полную грудь воздуха и решительно заявил: – Мой друг, вам необходимо порвать все отношения с этой женщиной!

– Вот как?

– Именно! Это необходимо и для вашей будущей карьеры, и для нашего дела, кое вы именуете на английский манер – «бизнесом».

Последнее слово Владимир Степанович проговорил так, будто пробовал его на вкус, после чего с легкой опаской взглянул на Дмитрия.

– Продолжайте, я слушаю вас, – нейтральным тоном отозвался тот.

– Вы знаете, что она вовсе не Берг и уж совсем никоим образом не Гедвига Генриховна? – продолжал компаньон.

– Догадывался, – не стал раскрывать степень своего посвящения в тайны бывшей сожительницы Будищев.

– Но она – жидовка! – воскликнул Барановский, по всей видимости, уставший носить в себе эту тайну. – Видит бог, у меня нет предрассудков, но страшно подумать, что было бы, успей вы обвенчаться. Вашей карьере во флоте пришел бы мгновенный и бесповоротный конец. До сих пор высший свет или по меньшей мере значительная его часть решительно осуждали графа Вадима Дмитриевича за его жестокосердие, то после такого афронта от вас может отвернуться даже тетушка.

– Я не собираюсь становиться адмиралом, и мне наплевать на титул, – криво усмехнулся Дмитрий.

– Это невероятно! – изумленно уставился на него компаньон. – Несмотря на все это, вы собираетесь жениться на этой особе? Ну, знаете, конечно, ваше постоянство заслуживает...

– Успокойтесь, пожалуйста, – поспешил прервать очередное словоизвержение Будищев. – Я не собираюсь жениться на Гесе Барнес, точнее собираюсь, но не на ней.

– Что, простите? – округлил глаза фабрикант, ошарашенный услышанным.

– Это вы меня простите. Все как-то не было случая рассказать. Завтра мы с графиней Елизаветой Дмитриевной Милютиной отправляемся к барону

Штиглицу. Она вызвалась быть моей свахой.

– Погодите-погодите, – помотал головой от вороха свалившихся на него известий Барановский. – Дочь военного министра отправится к придворному банкиру просить для вас руки его дочери?!

– Примерно так.

– Хм. Прекрасная новость! Барон, я слышал, отчего-то строг к своей родной дочери, хотя души не чает в приемной. Но в достойном приданом он в любом случае не откажет, а подобный брак весьма укрепит ваше положение. А уж коли поверенной в ваших сердечных делах выступит графиня Милютина, то у него и не будет повода отказать вам.

– Я тоже так думаю.

– Но позвольте, в таком случае я вас решительно не понимаю. У вас есть все, чтобы обеспечить себе настолько блистательное будущее, что перед ним меркнет самая смелая фантазия, но вы продолжаете беспокоиться об этой, как ее там, Гесе Барнес? Непостижимо!

– Знаете, Владимир Степанович, – с задумчивым видом начал Дмитрий. – Все, что вы сказали мне сейчас о Гесе, и о карьере, и о бизнесе, я много раз говорил сам себе...

– И что же? – осторожно спросил фабрикант, когда молчание компаньона совсем уж затянулось.

– Я никогда не чувствовал себя большей дешевкой. Все это верно, все правильно, но я не могу бросить ее без помощи сейчас, когда она в беде. Оставайся наша Гедвига Генриховна популярной модисткой, процветающей владелицей мастерской, отвечаю, я бы даже вещи собирать не стал, а просто ушел.

– Вот оно что, – сочувственно покивал головой Барановский. – Понимаю. Но, если все так, как вы говорите, нет никакой беды, если вы окажете некоторую помощь вашей бывшей возлюбленной. Об адвокате я позаботился, передачи пока, к сожалению, не принимают, но это вопрос решаемый. Но, ради всего святого, не

хлопочите о ней у сильных мира сего. Испортите себе репутацию, только и всего.

– Хорошо, но я хотел бы пообщаться с ее адвокатом.

– Это не трудно устроить. Завтра, я так понимаю, вы заняты, а послезавтра мы заедем к нему в контору и все обсудим.

– Отлично.

– Что же, вернемся к гостям, кажется, они нас заждались?

– А поговорить о делах?

– Но разве мы не о них только что беседовали? – изумился фабрикант.

– Не-а, – мотнул головой Дмитрий. – О главном вы мне и слова не сказали. Как обстоят дела с большим заказом на наши пулеметы?

– Пока никак, – вздохнул Барановский. – Примерно через три недели будет создана комиссия при Главном управлении артиллерии. Она и решит, нужно ли ваше изобретение нашей армии.

– Твою мать! – энергично высказал свою точку зрения Будищев.

– Все не так плохо, – поспешил успокоить его компаньон. – Флот готов заказать у нас по две митральезы на каждый боевой корабль первого и второго рангов и по одной для вооружения миноносков.

– Мелочь.

– Не скажите, Дмитрий Николаевич, не скажите. В нашем флоте этих маленьких кораблей почти сотня, да и более крупных совсем не мало. Объем более чем приличный.

– Это, конечно, хорошо, но я рассчитывал как минимум на пару тысяч пулеметов для нашей армии. Согласитесь, это совсем другие цифры.

– Господь с вами! – округлил глаза Барановский. – Ведь это верных три миллиона.

– Если с дополнительным снаряжением, то в полтора раза больше, – ухмыльнулся Будищев.

– Но нам столько и не сделать на нашей фабрике! По крайней мере, в приемлемые сроки.

– А Путилов на что? – вопросительно посмотрел на него подпоручик.

– Вместе с ним, разумеется, справимся, – не слишком охотно согласился компаньон, подразумевая, что Будищев свои авторские отчисления получит в любом случае, а ему надо еще и о собственном предприятии думать.

– Иностранцы интерес не проявляли?

– Ну не то чтобы совсем, – поморщился Владимир Степанович. – От князя Александра Батенберга приходили справляться.

– Это из Болгарии, что ли?

– Именно.

– Хм, и что же пожелалось его высочеству?

– Халявы, – усмехнулся Барановский, – так вы, кажется, говорите?

– Понятно, – засмеялся Дмитрий, чего-то такого и ожидавший.

– Володенька, Дмитрий Николаевич, ну где же вы? – заглянула к ним жена Барановского. – Гости без вас совсем уж заскучали.

– Уже идем, – отвечал ей муж, вопросительно посмотрев на компаньона.

– Простите великодушно, Паулина Антоновна, – повинился Будищев, – это я вашего супруга заболтал.

– Ничего страшного, но теперь извольте вернуться в общество, – мягко улыбнулась хозяйка дома.

* * *

Нельзя сказать, чтобы сидевшие перед бароном Штиглицем гости были неожиданными. Напротив, его заблаговременно известили об их визите и цели появления. И тем не менее ни малейшего удовольствия от разговора с ними бывший придворный банкир не испытывал. Хотя, разумеется, вел себя в высшей степени любезно и предупредительно.

Будучи одним из самых щедрых благотворителей в Российской империи, Александр Людвигович хорошо знал и уважал сидящих перед ним Антонину Дмитриевну Блудову и Елизавету Дмитриевну Милютину.

Они обе принадлежали к высшим слоям аристократического общества Петербурга, обе прославили себя на ниве общественного призрения, обе остались незамужними. Впрочем, Милютина, кажется, будет исключением в этом смысле. В свете ходили слухи о ее недавней помолвке с князем Шаховским.

И вот теперь она, не успев выйти замуж сама, начала устраивать браки других! – с неожиданным раздражением подумал Штиглиц, оставшийся внешне абсолютно бесстрастным.

Так уж случилось, что барон не любил свою дочь, и даже просто разговор о ней нагонял на старого финансиста черную ипохондрию. Сына Людвига, напротив, почти обожал. Приемную дочь Наденьку, пожалуй, тоже, а вот Люсию...

– Так значит, ваши сиятельства выступают ходатаями господина Будищева? – холодно проскрипел Штиглиц, буравя пристальным взглядом своих гостей.

– Именно так, Александр Людвигович. Они с Люсией любят друг друга и просят ваше благословление.

– Весьма приткий молодой человек, – покачал головой банкир. – Еще совсем недавно он просил у меня денег на открытие мастерской и ставил электрический звонок в квартире моего зятя. А теперь он сватается к моей дочери. Интересно, в каком состоянии он пребывает теперь?

– Дмитрий Николаевич, как вам, вероятно, известно, выслужил офицерский чин, да к тому же кавалер двух орденов, дающих право на потомственное дворянство, – веско заметила Милютина. – Согласитесь, весьма немногие сумели достичь подобного положения в столь короткий срок, начиная с самых низов.

– О, я нисколько не умаляю достоинств вашего протеже! Более того, я вполне уверен, что он сможет пойти еще дальше. Но все же...

– Мой дорогой барон, – печально улыбнулась Блудова. – Вы ведь старше меня и успели повидать всякое. На петербургском небосклоне вспыхивало много разных звезд, но долго ли они светили?

– Вы, несомненно, правы, – с легкой запинкой отвечал ей банкир.

Дело в том, что Антонина Дмитриевна была почти на полтора года старше его, но Александр Людвигович, будучи человеком воспитанным, не стал возражать даме.

– Мой племянник, как вам вероятно известно, изобретатель и промышленник. В годы нашей молодости это была не самая лучшая рекомендация, но теперь одетый в скромный сюртук коммерсант может иметь в свете не меньший вес, нежели блестящий кавалергард и флигель-адъютант.

– И это верно, – медленно наклонил голову в знак согласия финансист.

– Я вполне уверена, что Дмитрий сможет составить счастье вашей дочери и уж точно способен дать ей достойное содержание.

– Моя... м-м... дочь не нуждается в благотворительности.

– Это, вне всякого сомнения, так, – поспешила вклиниться в разговор Милютина, – но и господина Будищева нельзя назвать охотником за приданым.

– Вот что я вам скажу, милые дамы, – отвечал им после недолгого раздумья Александр Людвигович. – Если бы к моей дочери посватался граф Блудов, у меня не было бы повода ему отказать, но я никогда не соглашусь на брак своей дочери с безвестным офицером, будь он хоть трижды предпринимателем и изобретателем.

– Неужели вы не желаете счастья вашему ребенку? – воскликнула не ожидавшая такого вердикта Елизавета Дмитриевна.

– Напротив, я только о нем и думаю.

– Я вас услышала, господин барон, – сухо проронила Блудова. – Скажите, могу ли я переговорить с Люсией?

– Разумеется, но ее, к сожалению, теперь нет дома. Они с Людвигом отправились на прогулку.

– Вот значит как, – покачала головой Антонина Дмитриевна, поднимаясь из кресла. – Что же, нам пора.

– Не смею задерживать.

– А как же кофий? – растерянно спросил слуга, только появившийся на пороге кабинета с подносом в руках.

– В другой раз, голубчик, – мягко улыбнулась графиня.

* * *

Утро Будищева началось с того, что он заявился на их с Гесей квартиру и под сокрушенное оханье дворника сломал сургучную печать на двери.

– Это же полиция повесила, – попробовал возразить Ахмет.

– А я снял, – невозмутимо парировал моряк.

– Молчи, басурманин, – убежденно заявил швейцар – отставной солдат с медалью за безупречную службу на ливрее. – Их благородие знают, что делают!

– Точно, Антипыч! – ухмыльнулся Дмитрий.

Почтение швейцара к офицерам, вбитое в подкорку за долгую службу, было безоговорочным, а то, что постоялец не так давно был простым кондуктором, а до того и вовсе, смех сказать, купчишкой, не играло никакой роли. Раз государь произвел, стало быть, достоин и неча тут!

– Все же надо околоточному сообщить, – не унимался татарин.

– И кто тебя держит? – поинтересовался Будищев, проворачивая ключ с неожиданным скрежетом. – Если надо, так и вали со всех копыт, а у меня есть договор на съём этой квартиры, и я не собираюсь под мостом ночевать из-за того, что полиция ерундой мается!

Дворнику эта мысль показалась разумной, и он опрометью бросился вниз, после чего там вскоре раздалась трель свистка. И в самом деле, его обязанность сообщить, а дальше пусть у пристава голова болит о барских делах. А дело Ахмета – сторона!

– Приказания будут, ваше благородие? – почтительно поинтересовался швейцар, почтительно поедая глазами начальство.

– Пожалуй, что нет. Хотя, не знаешь ли, где моя прислуга обретается?

– Как не знать, господин подпоручик. Марфутка, то есть горничная, к соседям на третьем этаже перешла. Они как раз свою Лушку рассчитали, вот она и подсуетилась. А кухарка бедует. Не нашла еще места себе. Да и расплатиться с ней Гедвига Генриховна не успели. Прикажете позвать?

– Валяй, – кивнул Будищев, входя внутрь.

– Это мы мигом, со всем нашим удовольствием! – вслед ему отрапортовал бывший солдат.

Квартира выглядела нежилой. По полу разбросаны какие-то бумаги, непокрытая чехлами мебель сдвинута в беспорядке, дверцы шкафов распахнуты настежь, и все это покрыто толстым слоем пыли.

– Самки собаки! – не удержался Дмитрий, глядя на все это безобразие.

Нужно было что-то решать, то ли собирать прислугу и заниматься приборкой, то ли бросить все к черту и перебраться в другое место, выкинув из памяти этот период жизни. Под ногами его что-то хрустнуло. Наклонившись, он увидел, что это фарфоровая статуэтка, изображавшая не то пастушку, не то танцовщицу. Когда-то она заинтересовала Гесю, и он, не раздумывая, купил ей подарок, а теперь маленькая фигурка лишилась руки.

– Твою ж мать! – вздохнул Будищев.

В этот момент в дверь тихонечко постучались, скорее даже поскреблись. Открыв дверь, Дмитрий увидел девушку, служившую у них прежде горничной. Судя по всему, дела у нее шли неплохо. Новенькое платье с передником, белоснежный накрахмаленный чепец, еще более покруглевшее с их последней встречи лицо с милыми ямочками на щеках.

– Дмитрий Николаевич, – фальшиво всхлипнула она, – горе-то какое!

– Привет, – хмыкнул он.

– Как хорошо, что вы вернулись, – затараторила она, сообразив, что в ее сочувствии никто не нуждается. – Гедвигу Генриховну как забрали, нас почти сразу выставили. Даже собраться толком не дали, не говоря уж о расчете. А уж мы так за нее с Домной переживали, так переживали, а нам и неизвестно ничего!

– Так уж и ничего? – усмехнулся моряк.

– Говорят, – перешла на заговорщицкий шепот горничная, – что госпожа Берг вовсе даже не Берг, а жидовка по имени Геся Барнес, и она совсем не крещенная.

Вывалив на бывшего хозяина эту сногшибательную, по ее мнению, информацию, Марфуша замолчала, выжидая, как тот отреагирует.

– Мы конечно же не поверили ни в одно это лживое слово, но все-таки люди говорят, – продолжила она, так и не дождавшись ответа Будищева.

– Ты что хотела-то? – скучающим голосом спросил Дмитрий.

– Расчет, – поджала губы девушка. – Мне Гедвига Генриховна за два... то есть три последних месяца не заплатила.

– Негодую вместе с тобой, – усмехнулся подпоручик.

– Что?! – не поняла его горничная.

– Я говорю, скоро твоя хозяйка вернется, тогда и спросишь у нее свои деньги, а я ваших дел не знаю. А теперь ступай с богом. Я слышал, у тебя новое место? Хозяева, поди, не обрадуются, что ты по чужим квартирам шлындаешь!

Не ожидавшая подобного ответа Марфа пошла пятнами и спешно ретировалась, бубня про себя, что так порядочные господа не поступают.

Примерно через полчаса появилась кухарка Домна и, увидев, что Будищев складывает разбросанные по полу вещи, тут же присоединилась к уборке.

– Доброго здоровьичка, Дмитрий Николаевич, – поприветствовала она его и тут же всплеснула руками. – Ишь, что ироды понаделали! Это же рази можно так с людьми? Дайте-ка мне это, неча вам мундир пачкать.

– И тебе не хворать, – усмехнулся хозяин. – Как поживаешь?

– По-всякому, – не стала плакаться потерявшая место прислуга. – Мир не без добрых людей, помогли.

Выглядела она гораздо хуже Марфы. И одежда поплоше, и лицо не такое довольное, но прежде всего в глаза бросались ее руки, красные и натруженные. Судя по всему, женщина, чтобы прокормиться, подалась в прачки.

– С тобой Гедвига тоже не рассчиталась? – спросил Дмитрий.

– Да когда ей? – пожала плечами Домна. – Нам хоть собраться дали, а ее под белы руки и поволокли.

– И много задолжала?

– Так за последнюю неделю.

– Держи, – протянул ей пятерку хозяин.

– Да много это, Дмитрий Николаевич, – отказалась кухарка. – Тем более что неделя-то неполная вышла. Вы меня лучше назад возьмите.

– Бери-бери, – вложил ей в руки купюру Будищев. – Тут порядок еще наводить и наводить, продуктов опять же купить надо. Короче, не долби мне мозг, и без тебя есть кому. А что до места, так оно твое.

– Вот спасибо, – обрадовалась женщина. – Без места-то простому человеку худо. Да вы и сами, поди, знаете.

– Это да, – кивнул головой подпоручик, – я вот другого не знаю. Жандармы ничего не говорили, за что Гедвигу забрали?

– За что забрали, врать не буду, не знаю. А только в последнее время вокруг Геси вашей много разного народа крутилось. Все коробки какие-то приносили, потом уносили. Не тяжелые, но и не особо легкие. С бумагами, наверное, а может еще с чем. Я внутрь-то не лазила, не мое это дело. Да не смотрите на меня так, вестимо, знали мы, что Геся она, а не Гедвига. От прислуги разве такое утаишь?

– Вот как?

– Так вы сами, Дмитрий Николаевич, ее так называли, когда думали, что никого рядом нет. Опять же, наружность у нее, как ни крути, жидовская. Мы, правда, думали, что она из выкрестов, но то опять же не наше дело. В конце концов,

жиды тоже люди, а плохого мы не от вас, ни от нее не видели.

Третьим квартиру Будищева посетил полицейский, очевидно вызванный дворником Ахметом.

– Здравия желаю вашему благородию, – рявкнул он, отдавая честь.

– Ефим? – удивился Дмитрий, узнав в городском своего старого знакомого.

– Так точно, господин подпоручик!

– Не тянись, мы вроде не чужие люди.

– Э, нет, Дмитрий Николаевич, вы теперь в чины вышли, так что запанибрата никак нельзя!

– Ладно, как знаешь. Ты зачем приперся?

– Да как сказать, вашбродие, – помялся Ложкарев. – Не положено печати полицейские самовольно снимать.

– А жить я под мостом должен?

– Никак нет! Просто пришли бы в участок да сказали, мол, так и так, желаю вселиться в свою квартиру, и вся недолга! И начальству приятственно, и вам невелика канитель.

– Ладно, в другой раз не буду. Ты, кстати, как здесь оказался? Твой участок ведь на Выборгской стороне.

– Так мы люди подневольные, куда поставили, там и служим. Перевели меня.

– А штабс-капитан Деревянко?

– Уже капитан.

– Растут люди.

– Ага. Только я все еще на среднем окладе.

– Кто на что учился, братан. Кстати, ты в обыске участвовал?

– Нет. Это жандармы суетились. Они потом еще засаду здесь держали, а нас уж после вызвали, чтобы опечатать.

– Засаду?

– Ага. Только кто же так засады делает? Сначала шум подняли, прислугу выставили, а потом ждут, что сюда злодеи придут. Я чаю, политические не дурней уголовных, чтобы так подставляться.

– Понятно. Вот, значит, откуда столько окурков.

Городовой в ответ только пожал плечами, мол, бестолковые, что с них взять?

– Значит, не знаешь, что искали?

– Почему не знаю? Эту, как ее, литературу запрещенную. Вот.

– Нашли?

– А как же. Да то не беда, что книжки и эти, как их, прокламации были. Такой дряни, если поискать, в каждом доме на Невском найти можно. Нашлось кое-что и похуже.

– Это что же? – насторожился Будищев.

– Дык провода всякие. Механизмы. Из них, говорят, можно бомбу собрать.

– Какую на хрен бомбу! – поморщился Дмитрий. – Я ведь гальванер, у меня какой только электрики по всем закутам ни валялось. Дебилы, блин!

– Этого я не знаю, – пожал плечами полицейский. – Только все это барахло забрали, а вместе с ним и дамочку прихватили.

– Понятно.

– Осмелюсь спросить, она вашему благородию кто, жена?

– Нет. Просто жили вместе.

– Сожительница, значит. Ну, это не беда.

– В смысле?

– В том смысле, господин подпоручик, что вы за нее не ответчик. Вы же в это время в походе были?

– В Геок-Тепе.

– Ишь ты, с Михаилом Дмитриевичем, – в голосе городского прорезалось искреннее почтение. – Так вот, вы на царской службе, она тут одна. Откуда вам звать, кого она сюда приводила и с кем... эй-эй, не надо на меня эдак смотреть. Это я для примера.

– Хреновый пример!

– А в кутузку из-за нее лучше? Вы не смотрите, что в офицеры вышли, сейчас и благородных сажают. Не так, конечно, как при блаженной памяти Николае Павловиче, а все же.

– Ладно, Ефим, я тебя понял. Вот, держи за труды, – протянул ему трешницу Будищев, – да присматривай за моим домом. Опять же, если что узнаешь дельного, не поленись, сообщи. В накладе не останешься.

– Покорнейше благодарим, – не стал кочевряжиться Ложкарев и принял подношение. – В таком разе вам, пожалуй, заходить в околоток без надобности. Разве только знакомство с господином капитаном захотите возобновить. А коли нет, так я сам скажу, что квартира, мол, вскрыта в моем присутствии и никто

самовольно печатей не ломал.

– Вот и славно.

* * *

С самого детства для Люсии не было ничего более приятного и увлекательного, как проводить время вместе с Людвигом. Они вместе гуляли, озорничали, радовались и горевали, обсуждали прочитанные книги и конечно же мечтали. И даже повзрослев, меж ними ничего не переменялось, а уж после тягот похода, увиденной крови, грязи и человеческих страданий для нее не было более близкого человека, нежели брат. Кроме, может быть, Дмитрия... Но это ведь совсем другое, не правда ли?

Мысли о Будищеве всегда вызывали в ней целую бурю чувств, с той самой поры, когда она увидела его впервые. Уже тогда он показался ей не таким, как все прочие. Да, он был одет, как простой мастеровой, но в нем чувствовалось какая-то внутреннее достоинство, сила и... незаурядность. Он говорил не так, как другие, смотрел по-другому, а уж о поведении и говорить нечего. А еще он спас от верной гибели Людвига.

И вот сегодня должна решиться ее судьба, а отец не допускающим возражений тоном велел им с братом отправляться на прогулку. Люсия хотела возмутиться подобным произволом, но брат удержал ее от слишком бурных проявлений чувств, а потом привычка повиноваться взяла верх, и она тихо прошептала: «Да, папенька».

– Ты что-то сказала? – заботливо спросил Людвиг.

– Что? – вздрогнула барышня. – Нет, я просто немного задумалась.

– Тебе следует быть сдержанной.

– Да, конечно. Хотя как я могу быть спокойной, когда речь идет о моей жизни?

– Не драматизируй.

– Как ты сказал?! – взвилась юная баронесса.

– Все, сдаюсь, – улыбнулся брат. – Скажи лучше, что ты закажешь?

Февраль не самое лучшее время для прогулок, поэтому они заехали в кондитерскую, где их знали с детства. Там было тепло, светло и умопомрачительно пахло сладостями.

– Боже, ты себе не представляешь, как я мечтала в Бами о здешних птифурах![8 - Птифур – вид пирожного.] – почти простонала Люсия. – Вот просто чувствовала их вкус, нежный, сладкий и чтобы непременно пахло ванилью.

– Так в чем же дело, давай закажем?

– Боюсь.

– Боишься? – изумился Людвиг.

– Да. Вдруг они будут не такими вкусными, как мне запомнилось.

– Перестань, – засмеялся брат. – Право, ты как маленькая сегодня, а между тем тебя придут сватать.

– И этого я тоже боюсь, вдруг папа? откажет им?

– Не думаю, – покачал головой юноша. – У твоего избранника очень серьезные ходатаи.

– Да, графини Елизавета Дмитриевна и уж тем более Антонина Дмитриевна Блудова имеют большой вес в свете Петербурга, но ведь сам Дмитрий...

– Бастард?

– Как тебе не стыдно! – вспыхнула барышня[9 - Bastard – в переводе с французского означает «ублюдок»].

– У нашего отца нет таких предрассудков, – не слишком уверенно возразил Людвиг.

– Скажи лучше, что он не любит меня и будет рад отдать за первого встречного, – фыркнула Люсия.

– Ты несправедлива к нему, – насупился брат.

– Вовсе нет, и ты это прекрасно знаешь. Но давай не будем портить себе чудесное утро?

– Согласен.

Опасения баронессы оказались напрасными. Пирожные в кондитерской папаши Шульца были все так же хороши, а будучи поданными со сладким, горячим кофе с капелькой ликера для вкуса, просто восхитительны.

– Чудесно! – не удержавшись, промурлыкала барышня.

– Ну вот, а ты боялась, – улыбнулся Людвиг.

– И вовсе я не боялась! – возразила ему сестра и с чисто женской последовательностью тут же сменила тему: – Ты говорил, что меня ожидает еще один сюрприз!

– Разве?

– Не смей отказываться, я точно помню!

– Ну, хорошо-хорошо, – усмехнулся брат, – будет тебе сюрприз.

– Когда?!

– Собственно, он уже пришел.

– Кто он? – удивилась Люсия и обернулась.

В этот момент сердце ее забилося сильно-сильно, ибо за окном стоял он! Вправду сказать, видно сквозь едва начавшее оттаивать стекло было не очень хорошо, но девушка ни капли не сомневалась, что эта крепкая фигура в темной форме принадлежит Будищеву.

Через минуту Дмитрий ворвался внутрь, и она смогла убедиться, что не ошиблась. На шинели, которую он и не подумал снять, блестел иней, на губах играла улыбка, а в руках он держал большой сверток из плотной бумаги, в котором оказался букет из ярко-алых роз.

– Это вам, – протянул он его Люсии.

– Боже, как они чудесны! – восхитилась барышня, вдыхая совсем не свойственный зиме аромат. – Но как вы узнали, что мы здесь?

– Один добрый человек подал весточку, – ответил моряк, с улыбкой посмотрев на Штиглица-младшего.

– Это я дал знать Дмитрию Николаевичу, что мы будем здесь, – вздохнул Людвиг. – Конечно, мне не следовало это делать, ведь вы еще даже не помолвлены, но я так хотел, чтобы ты была хоть немного счастлива.

– Спасибо, братик, – радостно прошептала Люсия, едва удержавшись, чтобы не расцеловать его, после чего обернулась к своему избраннику и спросила уже обычным тоном: – Я полагала, что вы отправитесь вместе с тетужкой и графиней Елизаветой Дмитриевной к нашему отцу, и очень жалела, что не смогу увидеть вас.

– Я тоже так думал, – пожал плечами потенциальный жених, пожирая девушку глазами. – Но мне велено было остаться, чтобы я не ляпнул чего-нибудь эдакого при вашем уважаемом родителе и не испортил все дело.

– Мне так страшно, что папа откажет, – призналась барышня.

– Флаг ему в руки, – отмахнулся моряк.

– В каком смысле? – практически хором спросили разом насторожившиеся брат с сестрой.

– Дорогие мои, – широко улыбнулся Дмитрий, – говоря по совести, мне не очень-то нужно благословление вашего почтенного батюшки. Лично я вполне могу обойтись и без него. А что? Схвачу свою невесту в охапку, как дикий черкес, и ускачу с ней в горы!

– Боюсь, что не могу одобрить подобный план, – холодно заметил Людвиг, начав жалеть о своем поступке.

– Успокойся, – взяла его за руку Люсия. – Месье Будищев шутит, к тому же он не самый искусный наездник.

– Это верно, – засмеялся подпоручик. – Значит, вариант с похищением отпадает. Тогда все-таки придется получить согласие господина барона. Какая досада!

– Мне надобно отойти на пару минут, – решился, наконец, оставить их одних Штиглиц-младший.

– Ты неисправим! – покачала головой баронесса. – Зачем было говорить о похищении и пугать моего бедного брата? Он и без того считает тебя как бы...

– Полным отморозком?

– Какое глупое слово! Но, пожалуй, верное. Я и сама иной раз не знаю, что от тебя ждать.

– Не бойся, – поспешил успокоить ее Дмитрий. – Я и впрямь способен на многое, но только не с тобой. Клянусь, пока ты рядом, я буду паинькой.

– Свежо предание, но верится с трудом! – улыбнулась Люси.

– Не сомневайся, милая! Я сделаю все, чтобы мы были вместе. Брошу старые привычки, сверну горы и, если понадобится, победю всех великанов.

– Что сделаешь? – широко распахнула глаза барышня.

– Побегу, – поправился Будищев, – хотя нет, побежду!

– Боже, что ты несешь? – закрыла от смеха лицо руками Люси.

– Свет миру! – провозгласил подпоручик замогильным голосом, вызвав тем самым еще больший приступ веселья у своей спутницы.

Так дурачась и подшучивая друг над другом, они весело провели время, пока вернувшийся Штиглиц-младший не объявил, что им пора. Будищев щедро расплатился с кондитером и проводил барышню и ее брата к экипажу. С Людвигом они обменялись крепким рукопожатием, а Люсия протянула ему на прощание руку для поцелуя, к которой тот неловко приложился, вызвав улыбку невесты своей неумелостью.

– Господи, какой же он все-таки медведь! – поморщился молодой человек, потирая ладошку, только что от души придавленную будущим родственником.

– Да, – счастливо улыбнулась сестра, – он сильный и смелый.

– О, в последнем у меня нет никаких сомнений. Но все же я совершенно не представляю себе вашей будущей жизни. Рассуди сама, вам придется бывать в обществе, посещать приемы, балы. Представь себе, что он эдак пожмет руку какому-нибудь сенатору или товарищу министра?

– Воображаю, какой будет афронт! – засмеялась Люси.

– Тебе смешно, а между тем этот вопрос более чем серьезный.

– Не волнуйся, – поспешила успокоить его сестра. – Будищев человек дела. Отчего ты думаешь, что у него будет много времени на балы? К тому же посмотри на нашего отца, часто ли он танцевал? Такие люди, как они, ходят на приемы, чтобы встретиться с нужными людьми, поговорить о делах, заключить сделки. А когда речь идет о больших деньгах, люди куда менее склонны обращать внимание на манеры!

– Откуда ты все это знаешь? – удивился подобной практичности брат.

– Ах, милый Людвиг, уверяю тебя, последний год в походе и госпиталях дал мне больше знаний о жизни, чем все время обучения в Смольном институте.

– Положим, что так. Но подумай вот еще о чем. Ты молода, хороша собой и, к чему лукавить, завидная невеста. Заслуги нашей семьи, а также твои собственные, вполне могли принести тебе фрейлинский шифр. Стоит ли жертвовать подобной будущностью ради любви к пусть весьма неординарному, но все же человеку не нашего круга? Возьми хоть этот букет. Разве прилично дарить девице красные розы?

– Перестань. Да, он немного неотесан, но в этом, право же, есть свой шарм. Что же касается прочего, то отчего ты думаешь, что быть фрейлиной при малом дворе Марии Федоровны более почетно, нежели статс-дамой при большом?

– Ты говоришь о княгине Юрьевской?

– Конечно. Ты знаешь, что Будищев вхож к ней?

– Нет! Но каким образом?

– Разве ты не заметил, как он умеет сходитьсь с самыми разными людьми? Вовремя подаренная маленькому мальчику игрушка может оказаться куда полезней для карьеры, нежели десятков воинских подвигов.

– Никогда не думал об этом.

– А стоило бы.

– Ты меня поражаешь!

– То ли еще будет, братец, – улыбнулась Люсия.

* * *

Проводив будущих родственников, Будищев опрометью бросился к себе на квартиру. Именно туда должны были приехать тетушка и графиня Милютина,

чтобы сообщить о результатах сватовства. Собственно говоря, он именно поэтому и вернулся туда. В самом деле, где ему встречаться с представительницами высшего света? В особняке Блудовых его не очень-то рады видеть. По крайней мере, Вадим Дмитриевич точно. Заявиться домой к военному министру, как вы понимаете, тоже не совсем удобно. Так не в гостинице же!

Успел он как раз вовремя, чтобы встретить почтенных дам и торжественно препроводить к себе, а также принять и развесить в гардеробе их шикарные шубы.

– У вас милая квартирка, – со значением в голосе заметила Елизавета Дмитриевна. – Чувствуется наличие вкуса и женской руки.

– Рад, что вам понравилось, – поклонился подпоручик. – Не угодно ли чаю?

– С удовольствием, – не стала отказываться графиня. – Нынче так зябко на улице, что горячий чай будет весьма кстати.

– А вам, тетушка?

– Пожалуй.

Слава богу, чай в доме нашелся, а Домна, узнав, что ожидаются гости, успела напечь совершенно изумительных булочек. Правда, она постеснялась выйти к гостям в своем затрапезном платье, но Дмитрий, не чинясь, сам подал угощение и разлил по чашкам чай.

– Чудный вкус, – похвалила Елизавета Дмитриевна выпечку.

– Благодарю.

– Теперь давай поговорим о деле.

– Кажется, у вас не слишком хорошие новости?

– Увы, да, – вздохнула Милютина. – Барон Штиглиц практически отказал нам.

– То есть?

– Скажем так, он согласен выдать дочь за графа Блудова, но подпоручик Будищев его в качестве зятя не интересуется.

– Простите, ваше сиятельство, но я вас не совсем понял.

– Что тут непонятного? – вмешалась молчавшая до сих пор тетушка. – Барон поставил условие. Для заключения помолвки мой брат должен признать тебя своим наследником.

– Давно меня так изящно не посылали.

– Что, прости?

– Я говорю, что «пойти туда, не знаю куда и принести то, не знаю что» кажется более выполнимым условием.

– Отчего ты так думаешь?

– Вам прекрасно известно, что Вадим Дмитриевич слышать обо мне не хочет. Судя по всему, Штиглиц тоже в курсе.

– И что с того? Вадим вовсе не единственный представитель рода Блудовых.

– Простите, я все еще не могу понять вас. Андрей Дмитриевич служит за границей, господину Андре[10 - Александр Александрович Андре – известный московский педагог, женатый на двоюродной сестре Антонины Дмитриевны – Елизавете Васильевне Блудовой. В 1870-м ему было высочайше разрешено именоваться Блудовым-Андре.] я и вовсе конкурент.

– Нет, Дмитрий, я говорю о себе. Я ведь тоже Блудова, и если обращусь с прошением к государю, полагаю, он мне не откажет. Барон Штиглиц хитер, но на этот раз он перехитрил сам себя.

– А ведь это чудесная мысль! – восхитилась Милютина. – Признаюсь, поначалу она мне показалась абсурдной, но чем дольше я думаю над ней, тем больше она мне кажется осуществимой.

– Даже не знаю, – покачал головой Будищев и внимательно взглянул в глаза пожилой женщины, искренне считавшей его своим племянником. – Неужели вы готовы пойти на это?

– Почему нет? Ты мне не чужой человек, и я люблю тебя, как, возможно, любила бы собственного сына, если бы он у меня был. Но так уж случилось, что единственным моим детищем стало «Братство Кирилла и Мефодия». Именно в него я вложила всю свою душу и состояние. Так что, мой милый, я не смогу оставить тебе ничего, кроме своего имени, но вот на него-то ты можешь рассчитывать.

– Боюсь, ваше сиятельство, я не могу согласиться с этим, – тихо отвечал Дмитрий, почувствовав что-то кроме угрызений совести.

– Что тебя смущает?

Будищев несколько мгновений молчал, как будто собирался с мыслями, затем, сделав над собой усилие, заговорил глухим от волнения голосом:

– Дело в том, что мне это все немного надоело. Я честно заслужил чин и ордена, и мне нечего стыдиться своего происхождения. Завтра же отправлюсь в департамент герольдии и подам прошение о причислении героического меня к благородному российскому дворянству!

– Вот речь, достойная мужа! – одобрительно заметила Елизавета Дмитриевна. – Однако стоит ли торопиться? Графом быть лучше, нежели простым дворянином, можете поверить мне на слово.

– Где-то я это уже слышал.

– Ладно, можете поступать, как вам заблагорассудится, но все же советую вам не спешить с окончательным решением. Мне же теперь пора. Антонина Дмитриевна, вы со мной?

– Пожалуй, я немного задержусь, – мягко отказала графиня и добавила извиняющимся тоном: – Так давно не видела племянника.

– Понимаю. Что же, позвольте откланяться.

Проводив дочь военного министра до лестницы, Дмитрий вернулся в гостиную и буквально напоролся на иронический взгляд тетушки.

– Я что-то не так сделал? – сообразил он.

– Если честно, то все.

– Даже так?

– Увы, твоим воспитанием было некому заняться, и теперь мы пожинаем плоды этой печальной оплошности. Но все же, полагаю, еще не поздно кое-что исправить.

– Я вас слушаю.

– Скажи, мой мальчик, это ведь та квартира, где ты проживал со своей модисткой?

– Ну да. У меня нет другой, – растерянно отвечал Дмитрий. – А что, мне не стоило принимать вас здесь?

– Ну, слава богу, сообразил. А то уж я начала думать, что ты совсем безнадежен.

– Простите, я не подумал.

– Это уж точно!

– Завтра же займусь поисками жилья и перееду.

– Это еще не все. Скажи мне, где твоя прислуга?

– Увы, у меня осталась только кухарка. Горничная нашла себе другое место, Федор занят, а вестовой мне положен только на службе.

– Ничего не желаю слушать! Ты не должен сам ухаживать за кем-либо, разве что твои апартаменты соблаговолит посетить сам государь или наследник цесаревич. Только в этом случае ты можешь прислуживать гостям лично! Это понятно?

– Вполне. Что ж, найдем и горничную...

– Никаких горничных! – категорическим тоном прервала его Блудова. – Молодому холостяку неприлично иметь женскую прислугу, в особенности если последняя молода и смазлива. Это непременно вызовет кривотолки, а их следует избегать. У тебя должен быть камердинер, который станет ухаживать за твоим платьем, принимать посетителей и провожать их в гостиную или кабинет.

– Я понял.

– Далее. Скажи, пожалуйста, во что ты одет?

– В мундир.

– И его, по всей вероятности, скроили в полковой швальне, или как там это у вас на флоте называется?

– Нет, я заказал его у одного кронштадтского портного. Его услугами пользуются многие офицеры...

– Дмитрий, если ты хочешь принадлежать к высшему свету, то должен выглядеть соответственно. Ты не можешь носить что попало. Твоя форма должна быть безупречна и пошита у лучшего мастера во всем Петербурге.

– Но какая разница?

– Огромная, мой мальчик! Ты сам поймешь ее со временем, а теперь просто прими это как данность. В своем нынешнем мундире ты можешь служить на корабле, учить матросов лазать по мачтам или чему ты там их учишь, но в свете

изволь появляться в приличном твоему положению виде!

– Моему положению? – иронически улыбнулся Будищев.

– Да! Если ты хочешь быть графом Блудовым, так и веди себя, как наследник древнего рода!

– А если не хочу?

– Не лги мне, мальчик. Еще как хочешь! Ты можешь хорохориться перед кем угодно, но меня тебе не провести. К тому же, не имея титула, ты никогда не получишь Люсию. Ты хочешь быть с ней или нет?

– Хочу, – вздохнул Дмитрий.

– Тогда не смей мне перечить! Я старше тебя и лучше знаю, как устроено светское общество. Доверься мне, и я сумею позаботиться о твоём счастье.

Слышать эту отповедь от тетушки было неприятно. В особенности если учесть сумму, которую он переплатил портному за срочность. Плюс, сегодняшний букет, стоивший совершенно безумных денег. Люсе он, конечно, понравился, но вряд ли эта барышня-смолянка знает цену деньгам. По слухам, состояние ее отца давно перевалило за сотню миллионов[11 - На самом деле гораздо меньше.], где уж ей догадываться...

– По одежке встречают? – вспомнил он народную мудрость.

– А частенько и провожают, по крайней мере в Петербурге!

– Хорошо, я сделаю все, как вы велели.

– Это еще далеко не все. Скажи, ты умеешь танцевать?

– А как же, – не удержался моряк. – Гопак и хип-хоп!

– Значит, не умеешь, – правильно поняла его Антонина Дмитриевна. – Но это тоже поправимо. Я сама позабочусь найти тебе учителей.

– Это так необходимо?

– Больше, чем ты думаешь!

* * *

Много раз в своих мечтах Федя возвращался в Питер триумфатором. Такого слова он, конечно, не знал, но торжественной встречи ему хотелось. Чтобы на перроне стояли родные и близкие, а незнакомцы шушукались за спиной, кто это, мол, такой? А им знающие люди в ответ, эх, вы, темнота, нешто не слыхали про первейшего на весь Закаспийский край купца Шматова?

Дмитрий Николаевич, которого он даже в мыслях теперь не называл Митькой, ему руку пожмет, а Аннушка с плачем кинется на шею. Дескать, где же ты, соколик мой ясный, так долго отсутствовал? А он ей раз и платок туркменский на шею. Красота! Хотя чего это просто «соколик»? Мужика положено кормильцем называть. Вот пусть и зовет, ибо неча!

Тут Федор ненадолго задумался. Все-таки до его отъезда вместе с Будищевым кормильцем он еще не был. Анна, как ни крути, поболее его зарабатывала, да и квартиру опять же она снимала. С другой стороны, так прежде было, а теперь-то все по-иному станет. Вот откроет Шматов на паях с Будищевым лавку. Да если все хорошо пойдет, то в купленном, а не снятом доме. Внизу будет торговать, а вверху жить. Купит Аннушке шубу лисью, себе цилиндр лаковый и будут на балконе чай пить. И чтобы самовар с медалями!

Под такие сладкие мысли и мерный перестук колес парень заснул, только ненадолго, потому как приснился ему сон черный. Вот просто как ночь безлунная!

Привиделось Феде, будто лихие люди проникли в товарный вагон, где все его добро, нажитое потом, кровью и тяжким трудом, находилось, да и обобрали сироту до нитки! И вот стоит он перед своим компаньоном и руками разводит, а тот его последними словами ругает за бестолковость. Дескать, худо быть

человеку по пояс деревянному, особенно верхней частью. А ему и возразить нечего...

– Караул! – сорвался он с места и под удивленными взглядами соседей стал шарить за пазухой в поисках револьвера.

– Что с вами, любезный? – осведомился сидящий напротив него худой господин в новенькой чиновничьей фуражке.

Ответом ему был совершенно безумный взгляд будущего домовладельца и купца первой гильдии.

– Сон дурной приснился? – сообразила дама с хитрым лицом в потрепанном салопе, знавшем некогда лучшие годы.

– А? Что? Неужто сон? – пришел, наконец, в себя Федя.

– Бывает, – сочувственно вздохнула попутчица. – От трудов, от мыслей тяжких, а особенно от кривых взглядов.

– От каких? – непонятливо вытаращил глаза Шматов.

– Сглазили тебя, касатик, – с готовностью пояснила дама. – Люди-то вокруг жадные да завистливые, вот и смотрят так, будто украсть хотят!

Высказанные непонятной женщиной мысли внезапно показались Федору весьма здоровыми, поскольку люди они такие и есть.

– Спишь, поди, плохо, – продолжала ковать железо, не отходя от кассы, попутчица.

– Нет, – чистосердечно признался парень. – Спать я лютый. Мне их благородие Дмитрий Николаевич даже пенял за это. Мол, царствие небесное prospлю.

– Так это же верный признак! – всплеснула руками женщина. – Черную немочь на тебя напустили. От нее спать постоянно хочется!

– Бог мой, какой вздор! – не выдержав, фыркнул чиновник. – В наш просвещенный девятнадцатый век говорить о каких-то диких суевериях. Порчах, сглазах.

– А вы, господин хороший, не вмешивались бы, коли не разбираетесь! – окрысилась дама. – На вас, я тоже вижу, заклятие висит, а вам и невдомек, что дело может плохо кончиться!

– Заклятие?! – ахнул Федя.

– Оно самое!

– Нет, это уж совсем никуда не годится. Увольте меня от выслушивания подобных глупостей!

– Женаты вы пятнадцать лет, а детей нет, – быстро перебила его попутчица.

– Верно, – был вынужден признать скептик, сбившись на полуслове.

– Служите давно и честно, а повышения нет как нет?

– Какое уж тут повышение, о награждениях и то позабыл. А ведь стараюсь, – пригорюнился чиновник.

Не прошло и пятнадцати минут как ушлая гадалка, а именно такова была профессия почтенной дамы, совершенно овладела вниманием своих попутчиков. Раскинув карты, она принялась стращать их кознями пиковых дам и трефовых королей. Дальние дороги перемежались с нечаянными радостями, которые, однако, вполне могли привести в казенный дом. Слушать ее, впрочем, было интересно, и два взрослых и вроде бы разумных мужчины внимали словам первой попавшейся им проходимки развесив уши.

Тем не менее всякая дорога подходит к концу, и их поезд также прибыл в славный град Петра на реке Неве. Чиновник вышел первым и галантно подал даме руку. Федя, как представитель трудового народа, пер чемоданы, поскольку носильщикам доверить такую ценность женщина не могла. Обе потенциальные жертвы были снабжены визитными карточками с адресом, по которому их могли

избавить от сглаза, порчи, приворота и других напастей, а прежде всего денег. И все было бы хорошо, если бы Шматова не встречал его друг и компаньон.

– Мадам Ряполова?! – с редкой теплотой в голосе воскликнул Будищев, мгновенно оценив развернувшуюся перед ним мизансцену.

– Я, господин офицер, с незнакомыми мужчинами не разговариваю, – попробовала пойти в отказ гадалка, явственно почуявшая запах жареного.

– И правильно, – охотно согласился с ней подпоручик. – Репутация в нашем деле это всё!

– Позвольте, господин офицер, – попытался вмешаться чиновник. – Вам, кажется, дали понять...

– Дали! – кивнул Дмитрий. – Потом догнали и еще дали. Могу вернуть, вам надо?

– Но я не позволю говорить с собой в таком тоне...

– Тьфу на вас, – отмахнулся от заступника Будищев, после чего обернулся к Шматову и не допускающим возражений тоном приказал: – Хорош столбеть! Отдай этому почтенному господину вещи мадам Ряполовой и погнали. Дел у нас много, а вот со временем совсем туго.

После этой весьма энергичной, хоть и краткой речи бравый моряк многозначительно подмигнул своей давней знакомой, а затем стремительно двинулся в сторону извозчиков, увлекая за собой бывшего камердинера.

– Кто это? – удивленно промямлил чиновник, ошарашенно озирая странного офицера, уводящего его недавнего попутчика, потрепанную жизнью женщину с жадными глазами, и, судя по всему, никак не мог сообразить, как он оказался в такой компании и что вообще тут делает.

– Дьявол, – простонала гадалка, понимая, что из ее цепких рук только что ускользнули сразу два потенциальных клиента.

* * *

– Блин, Федя, тебя на минуту нельзя одного оставить, – выговаривал Дмитрий своему приятелю, устраиваясь в санках извозчика. – Обязательно не в дерьмо, так в партию вступишь.

– В какую партию? – удивился Шматов.

– Зеленых!

– Чего ты на тетку напал, она знаешь кто?

– Знаю. И Анна твоя, кстати, тоже хорошо знает.

– Откуда?

– От верблюда! Короче, склад для нашего добра снял, сейчас отправимся в контору и распорядимся о перевозке. Вагон у нас опломбирован?

– Ага.

– Значит, растащить не должны.

– Ой, так может, я пойду караулить?

– Что?! Елки зеленые, как ты еще сам в товарном вагоне не поехал, чтобы самому охранять...

– Не пустили, – насупился парень.

– Ты серьезно? – обернулся к нему Будищев и, убедившись, что тот не шутит, от души расхохотался.

– Чего ты?

– Ладно, не бери в голову. Добрался живой, и слава богу. Сейчас все дела порешаем и поедем домой.

– Граф, – нерешительно начал Федя, назвав товарища армейским прозвищем. – Может, я лучше к Аннушке поеду?

– А ты думаешь, куда я тебя собрался везти? – усмехнулся Дмитрий.

Накануне у него состоялся серьезный разговор с вдовой Виртанен. Не то чтобы Будищев чувствовал вину за сбежавшего вслед за ним на войну Федора, вовсе нет, но мы ответственны за тех, кого приручили. Так, кажется, сказал один французский летчик, прежде чем отправился на свою войну.

* * *

– С возвращением, Дмитрий Николаевич, – искренне обрадовалась появлению Будищева портниха.

– Спасибо, Аннушка, – благодушно усмехнулся тот, скидывая шинель. – Вот пришел проводить твое житье-бытье.

– Один? – со значением в голосе поинтересовалась вдова.

– Прости, – сразу же повинился моряк. – Моя вина, что Федя задержался. Мы с ним кое-какого товара прикупили в дальних краях. Вот он с ним и путешествует.

– За что же тут прощать? – огорченно пожала плечами женщина. – Служба она и есть служба.

– Ну, наверное, за то, что он тебя бросил одну и со мной на войну подался.

– А разве вы его с собой сманивали?

– Нет.

– Тогда в чем вина? – грустно улыбнулась Анна, – Я так полагаю, что Федя уже не маленький. Сам должен соображать, что делает.

– В том-то и дело. Повязала нас с ним служба солдатская, да война балканская, будь они неладны. Видно, судьба у нас такая. Один набедокурит, а другому расхлебывать.

– Ой, что же это я вас в прихожей держу, – спохватилась женщина. – Проходите, пожалуйста.

– Благодарствую.

– Чаю хотите?

– С удовольствием, – охотно согласился Будищев, выкладывая на стол принесенные с собой гостинцы. – Тем более что разговор у нас предстоит серьезный.

– Случилось чего? – испугалась вдова.

– Типа того.

– Ну, говорите уж, что жилы-то тянете!

– В общем, так, Аннушка, – начал Будищев, прочистив предварительно горло. – Ты, верно, знаешь, что наша с Гедвигой швейная мастерская закрыта?

– Да уж слыхала, – насторожилась вдова.

– Помещение пустует, оборудование простаивает, люди опять же без работы...

– Вы к чему это ведете?

– К тому, что неправильно это.

– А я тут при чем?

– Анна, я в вашем портняжном деле мало что понимаю. Мне нужен человек, который все это наладит и запустит. И лучше тебя я никого не знаю.

– Ой, да как же это. А Геся, то есть Гедвига ваша когда вернется, тогда как?

– Вот когда вернется, тогда и думать об этом будем. Пока же надо делом заниматься.

– Думаете, на каторгу ее отправят? – по-своему поняла уклончивость Будищева Анна. – Жалко-то как!

– А вот не хрен было глупостями заниматься. Книжками там запрещенными и всяким прочим, никто бы ее и не тронул.

– Зачем вы так, – пригорюнилась портниха. – Ей теперь тяжело.

– Тяжко?! – неожиданно зло переспросил Дмитрий. – А мне каково? На моих плечах, чтобы ты, Аннушка, знала, полсотни душ мастеровых, семьям которых завтра жрать нечего станет, если я в какой-нибудь блудняк встряну! Да еще Стеша-сиротка, которая по милости этой дуры в свою халупу посреди зимы вернулась. Это не говоря уж о таких же портнихах, как и ты, без работы оставшихся.

– Да я ведь не про то, – со слезами на глазах попыталась возразить женщина, но Будищева было не остановить.

– А я как раз про это! Ты себе не представляешь, что мне стоило ее из революционного болота вытянуть, чтобы «радетели за народное счастье» до цугундера не довели, и вот вам здравствуйте!

– Может быть, она просто не могла отказать человеку, попавшему в беду? – тихо спросила вдова.

– Может, и так, – пожал плечами подпоручик. – Во всяком случае, адвокат строит защиту именно на этом. Мол, не знала, не догадывалась, просто так получилось...

– Так вы не бросили ее? – с явным облегчением в голосе воскликнула портниха.

Будищев на секунду окаменел, но затем будто сбросил с себя оцепенение и быстро ответил:

– Я своих не бросаю. Чем смогу, помогу. Только сама понимаешь, даже если выпустят, в Петербурге ей остаться будет нельзя. А дело стоит. Поэтому говори сейчас, согласна или нет?

– Да как же вот так сразу? Тут все обдумать надо.

– Так думай, кто не дает? Только не долго, завтра Шматов приезжает, а тебе еще к встрече готовиться.

– Уже завтра? – обрадовалась Анна.

– Если только адмирал Посьет не подведет[12 - Министр путей сообщения Российской империи в 1874–1888 гг.].

* * *

Увидев перед собой Анну, Федя оробел. Все красивые слова, которые он успел придумать, куда-то улетучились, язык одеревенел, а ноги стали ватными. К тому же в последний момент парень вспомнил, что яркий туркменский платок, припасенный им для подарка, остался в багаже и подарить любимой женщине ему нечего. От такого конфуза ему и вовсе захотелось провалиться сквозь землю, но тут старого приятеля опять выручил Будищев, что-то сунувший в руки своему бывшему камердинеру.

– Вот, – промямлил «первейший на весь Закаспийский край купец», протягивая маленькую коробочку.

– Ой, что это? – смутилась портниха.

– Открой да посмотри, – ободряюще улыбнулся Дмитрий, одновременно делая знаки Федору, мол, «куй железо, не отходя от кассы», пока случай подходящий!

В футляре оказалось золотое кольцо с маленьким камушком кроваво-красного цвета.

– Это мне? – все еще не веря своим глазам, воскликнула Анна.

– Тебе, – еле нашел в себе силы, чтобы кивнуть, Шматов.

– На свадьбу-то хоть позовете? – ухмыльнулся Будищев, но потом понял, что друзья стесняются, проявил совершенно несвойственную ему деликатность и отвернулся.

Как ни старалась княгиня Щербатова, ее салон был далеко не самым модным в Петербурге. Разумеется, ей удавалось принимать у себя сильных мира сего, модных литераторов, а также заезжих знаменитостей, но все это было не то. Не хватало какой-то изюминки, чтобы, говоря по-простонародному, переплюнуть соперниц. Но, кажется, сегодня княгине Долли, которую на самом деле звали Авдотьей, неожиданно-негаданно удалось взять реванш, ибо ее гостями стали дети придворного банкира барона Штиглица.

Появление Людвига и Люсии произвело настоящий фурор. Конечно, их семью нельзя было назвать родовитой, но вот баснословно богатой вполне. И как вы думаете, кто унаследует состояние старого барона, когда милосердный Господь призовет его на свой суд? В общем, на молодых людей была объявлена охота, и, где бы они ни появлялись, на них сразу же скрещивались взгляды потенциальных женихов и невест.

Было, правда, еще одно новое лицо. Офицер флота, отличившийся во время последнего похода на Геок-Тепе, Дмитрий Будищев. Познакомила их кузина ее супруга – графиня Блудова, бывшая прежде любимой фрейлиной покойной императрицы, она же попросила ввести его в свет. Молодой человек приходился Антонине Дмитриевне племянником, а ее брату Вадиму – незаконнорожденным сыном. Ну и, соответственно, дальней родней самой княгине[13 - Мать Антонины Дмитриевны была княжной из рода Щербатовых.].

Подобные романтические истории всегда вызывают интерес у скучающей публики, а потому княгиня имела неосторожность согласиться. К тому же протеже старой графини имел репутацию изобретателя. Такие люди всегда привлекали внимание людей, не чуждых прогрессу, а Щербатова относилась себя

к таковым.

Оказавшись на пороге гостиной, Будищев с любопытством огляделся. Он почти никого тут не знал, его тоже, и, вероятно поэтому, его появление не вызвало никакого интереса.

– Дмитрий Николаевич, – величаво поприветствовала его хозяйка салона, – рада вас видеть у себя.

– Взаимно, – отозвался тот.

Внимательный взгляд ее сиятельства, казалось, просканировал ее нового гостя, отметив весьма высокие для столь невеликого чина награды, безукоризненно сидящий мундир и уверенную манеру держаться. Судя по всему, его признали достойным внимания.

– Пойдемте, молодой человек, я познакомлю вас с гостями.

Подпоручик с готовностью предложил княгине руку, на которую та охотно оперлась, после чего началась экскурсия. Во всяком случае, Дмитрий чувствовал себя именно так.

Пока они обошли всю гостиную, хозяйка успела представить его всем присутствующим, попутно просвещая юного неофита, кто есть кто, иной раз делая это весьма едко.

– Генерал Хлынов.

– Экий молодец! – ревниво оглядев ордена Дмитрия, прошамкал старый служака, сплошь увешанный наградами, среди которых, впрочем, не было ни одной с мечами[14 - То есть среди наград не было боевых.]. – За что пожалован?

– За штурм Геок-Тепе, ваше превосходительство! – почтительно, но вместе с тем с легкой небрежностью отвечал подпоручик, заслужив одобрительный взгляд своей спутницы.

– Вот оно что, – пренебрежительно фыркнул Хлынов, видимо не считавший текинцев серьезным противником.

– Недавно перебрался в столицу, надеясь выхлопотать место в сенате, – просветила Будищева княгиня, как только они отошли. – Пока ничего не добился, и не похоже, что добьется. Чтобы вести привычный образ жизни, заложил имение.

– Не жили богато, не стоит и начинать, – усмехнулся моряк.

– Княгиня Мещерская с дочерями. Посмотрите, какие очаровательные барышни, не правда ли?

– Лиззи.

– Китти.

– Энни, – представились на английский лад три неуловимо похожие друг на друга фигуристые девицы.

– Весьма рад, – отозвался подпоручик, скользнув равнодушным взглядом по не скрывавшим своего интереса барышням, – Дмитрий.

– Общепризнанные дурочки, – безжалостно добавила хозяйка салона, едва они покинули Мещерских. – К тому же папенька успел спустить почти все свое состояние, а потому на приданое рассчитывать не стоит.

– И в мыслях не было, – снова улыбнулся Дмитрий.

Так они постепенно обошли почти весь зал. Княгине неожиданно пришелся по вкусу выслужившийся из нижних чинов бастард. Молодой человек оказался хоть и несколько неотесанным, но умел обаятельно улыбаться и многозначительно молчать. А уж если начинал говорить, то речь его оказывалась не лишена остроумия и своеобразного стиля. Но главное, у него на все было свое мнение, причем совершенно оригинальное.

– Видите вон того взволнованного молодого человека в армейском мундире? Говорят, он весьма талантливый литератор, хотя мне описанные им жуткие подробности войны кажутся чрезмерными. В Петербург приехал, чтобы показаться врачам.

– Гаршин? – узнал бывшего сослуживца Будищев, после чего они обменялись крепкими рукопожатиями.

– Вы знакомы? – приподняла бровь княгиня Долли.

– Служили вместе, – неопределенно ответил подпоручик.

– А вот это дети барона Штиглица. Наследники всего капитала придворного банкира.

– Мое почтение, господа, – поклонился подпоручик, не сводя глаз с зардевшейся барышни.

К большому удивлению хозяйки, Людвиг дружески протянул Дмитрию руку.

– Ах да, – сообразила хозяйка, – они ведь тоже участвовали в походе на текинцев. – Вот вы откуда их знаете.

– Не только, – загадочно улыбнулся Дмитрий, еще больше укрепив княгиню Долли в ее подозрениях.

* * *

В прежние времена, когда трава была зеленее, солнце ярче, а нравы патриархальнее, матери строго следили за дочерями, чтобы те не общались с молодыми кавалерами наедине и ненароком не скомпрометировали себя. Но в салоне княгини Долли все было проще, и молодежь вскоре собралась в свой кружок. Центром его оказался диван, на котором в окружении сестер Мещерских с комфортом устроилась Люсия Штиглиц, а вокруг толпились молодые люди в мундирах и партикулярных платьях, непрерывно старавшиеся услужить своим прелестным спутницам и осыпавшие их комплиментами.

– Господин Гаршин, а почитайте нам свои стихи, – весьма некстати попросила Лиззи, явно положившая глаз на литератора.

– Просим-просим, – подхватили сестры, окончательно оконфузив молодого человека.

– Но я не пишу стихов, – возразил тот, нервно дернув головой.

– Какая жалость, – надула губки поклонница.

– Всеволод Михайлович очень скромн, – пришел к нему на помощь Будищев, пользуясь моментом, чтобы подобраться ближе к Люсии. – Но поверьте, поэзия ему не чужда!

– А вы сочиняете что-нибудь? – переключилась на него княжна Мещерская.

– Стихи нет, – двусмысленно ответил ей Будищев, – но сочинить что-нибудь могу запросто.

– Так сочините что-либо для нас, – неожиданно попросила Люсия.

– И спойте, – тут же добавила неугомонная Лиззи.

Будь на месте Дмитрия обычный человек, он бы, вероятно, смутился, но моряка трудно было назвать обычным. Совершенно лишенный слуха и умения петь, он обладал четкой дикцией, прекрасной памятью и счастливой способностью нести любую чушь, оставаясь при этом серьезным.

– Только если госпожа баронесса согласится мне аккомпанировать, – с готовностью согласился он.

– Но я не очень хорошо играю, – попыталась отказаться не ожидавшая подобного поворота мадемуазель Штиглиц.

– Поверьте, я пою еще хуже.

Отступать было некуда, и бедной девушке пришлось отправляться к роялю.

Прочие гости, явно заинтригованные происходящим, подтянулись следом, и скоро вокруг Люсии с Дмитрием собралась изрядная толпа.

– А что вам исполнить? – робко спросила баронесса.

– Да что угодно, – великодушно отозвался солист.

– И как называется произведение? – осведомилась не знающая, что ждать от этой импровизации, княгиня Долли.

– Девушка из маленькой таверны, – провозгласил Будищев, после чего зачем-то добавил: – Музыка и слова народные!

– Как мило, – скептически покачала головой хозяйка салона, но ее никто не расслышал.

Девушку из маленькой таверны

Полюбил суровый капитан,

Девушку с глазами дикой серны

И румянцем ярким, как тюльпан.

Полюбил за пепельные косы,

Алых губ нетронутый коралл,

В честь которых пьяные матросы

Поднимали не один бокал.

Родись Эдвард Радзинский столетием раньше, он наверняка умер бы от зависти, слушая, с каким чувством Дмитрий декламирует эти незамысловатые строки. Ошарашенная Люсия выбивала пальцами по клавишам нечто непонятное, но по странной прихоти судьбы вполне соответствующее тексту. Слушатели же, особенно их женская часть, воспринимали и то и другое более чем благосклонно, а когда дошло до трагической развязки, даже расчувствовались.

– Дмитрий Николаевич, это вы сочинили? – спросила Лиззи, вытирая текущие ручьем слезы.

– Ну что вы, – скромно отказался от авторства подпоручик. – Где уж мне, я больше по гальванической части.

– Вы были правы, это нельзя назвать стихами, – покачал головой Гаршин, но из вежливости похлопал вместе с остальными.

– Господа, это же прекрасно! – прощепетала княжна. – Ах, я всегда завидовала морякам. Они бывают в далеких странах, своими глазами видят разных людей и экзотических животных. Скажите, господин Будищев, а вы бывали в Африке?

– Увы, но дальше Каспия и Черноморского побережья Болгарии мне бывать не доводилось. Впрочем, там тоже довольно жарко.

– Вы воевали с турками?

– Да. Вместе с Всеволодом Михайловичем.

– Неужели? – удивилась девушка, в глазах которой ореол литератора только что несколько потускнел, зато ярко зажглась звезда моряка, изобретателя и, как оказалось, исполнителя оригинального жанра.

– Вы, верно, метко стреляете?

– Иногда.

– Дмитрий Николаевич скромничает, – с легкой ноткой ревности в голосе заявила Люсия. – Он вообще не промахивается!

– Ну, уж это вы хватили, – не выдержал поручик в форме лейб-гвардии стрелкового батальона, фамилию которого Будищев не запомнил. – Моряки обычно плохо стреляют.

– Всяко лучше, чем извозчики, – не подумав, ляпнул подпоручик и хотел было прикусить язык, но стало поздно[15 - Стрелки лейб-гвардейского батальона

императорской фамилии носили своеобразную форму в народном стиле, за что их в гвардии за глаза называли «извозчиками».]

– Что вы сказали, милостивый государь? – побелел от гнева гвардеец.

– Полно-полно, господа, – поспешила вмешаться хозяйка салона. – Не стоит ссориться по пустякам.

– Помилуйте, ваше сиятельство, – миролюбиво улыбнулся Дмитрий. – Мы с господином поручиком...

– Фон Фитингоф, – мрачно представился стрелок.

– Мы с господином поручиком фон Фитингофом и не думали ссориться. А просто хотели развлечь наших дам. Не правда ли?

– Но как?

– У вас есть двор, зимний сад или что-нибудь в этом духе?

– Да.

– Тогда пойдете туда.

Зимним садом называлось нечто вроде оранжереи со стенами из стекла, в котором спасались от питерских морозов несколько чахлах пальм и китайских роз. Но, во всяком случае, там было просторно и светло, а поскольку день был достаточно теплый, сквозь успевшие оттаять стекла был хорошо виден двор и покосившийся каретный сарай.

– Что там у вас? – поинтересовался у княгини Будищев.

– Конюшня.

– Лучше и быть не может, – ухмыльнулся Дмитрий, взводя курок на неизвестно откуда появившемся у него револьвере.

Выйдя на улицу, он немного карикатурно раскланялся с толпившимися у окон дамами, после чего устроил маленькое представление. Сбивал выстрелами сосульки с крыши, поражал тут же нарисованные мишени, затем быстро перезаряжал барабан и снова стрелял, а под конец выбил на старой штукатурке сарая вензель княжны Китти.

– Bravo! – захлопали в ладоши зрители, после чего вопросительно уставились на побледневшего Фитингофа.

– У меня нет с собой револьвера, – с сокрушенным видом отвечал тот.

– Я бы дал вам свой, – неожиданно пришел к нему на помощь Будищев, – но, боюсь, в таком случае у вас не будет возможности отыгаться.

– Да, господа, – без тени аффектации продолжил он, обращаясь ко всем присутствующим, – такие фокусы, а это не более чем трюк, возможны лишь из хорошо знакомого оружия. Настолько привычного, что является продолжением руки. Не сомневаюсь, что будь при господине поручике его личный револьвер, он выступил бы ничуть не хуже. Надеюсь, и он теперь не сомневается в моем умении стрелять, не правда ли?

Последние слова моряка были обращены к лейб-стрелку, которому ничего не оставалось, кроме как кивнуть.

– А какое оружие вы бы предпочли, случись вам стреляться? – снова вылезла неугомонная княжна.

«Господи, вот же дура!» – вздохнул про себя Дмитрий, но вслух со всей возможной учтивостью ответил:

– Если бы у меня была возможность выбора, то я бы настоял на винтовке Бердана и расстоянии в пятьсот шагов.

Последние слова были восприняты большинством присутствующих как очередная шутка остроумного молодого человека, и только хорошо знавшие Будищева барон Штиглиц и Гаршин остались серьезными.

– Что это было? – улучив минуту, тихонько спросила Люсия.

– Смертельный номер под куполом цирка, – также тихо отвечал он.

– Завтра об этом будет знать весь Петербург, а уж папенька и подавно. Не представляю, что он скажет нам с Людвигом.

– Так, может, не стоит ждать?

– О чем ты?

– Поехали со мной. Прямо сейчас.

– Ты серьезно?

– Вполне. Мы вернулись с войны, любим друг друга, и я не вижу ни одной причины, по которой не должны быть счастливы.

– Но мой отец...

– Послушай, мне, конечно, далеко до твоего отца, но я уже сейчас человек не бедный. А если армия примет на вооружение мои пулеметы, стану миллионером. Так что плевать я хотел на приданое.

– Прости, милый, – загадочно улыбнулась Люсия. – Если ты хочешь жениться на бесприданнице, то можешь выбрать любую из княжон Мещерских. Кажется, они все от тебя без ума. Что же до твоего, безусловно, лестного предложения, то подумай сам, какой разразится скандал? Я подведу брата, огорчу отца, не говоря уж о том, что это может помешать тебе получить титул. Да, я знаю о придумке твоей тетушки и нахожу ее просто замечательной. Все, мне пора.

С этими словами она приподнялась на цыпочках и поцеловала Дмитрия в губы, после чего ловко вывернулась из его объятий и убежала.

«Вот блин, – подумал Будищев, глядя ей вслед. – Не успел сказать, что я подал прошение в департамент герольдии, о причислении к благородному российскому дворянству. В самом деле, зачем быть отпрыском древнего рода, если можно

стать основателем нового?»

– Простите, – отвлек его от размышлений Гаршин. – Я не хотел вам мешать.

– Все нормально, Сева. Есть проблемы?

– Ну вот, узнаю старого боевого товарища, – засмеялся тот и, видя недоумение подпоручика, счел нужным пояснить: – Вы стали говорить как завсегдатай салонов. Право, я поначалу даже не узнал вас, а теперь вижу, что все в порядке. И лексикон и манера общения на месте.

– Понятно, – усмехнулся Будищев, которого и самого иногда напрягала необходимость фильтровать базар и разговаривать как недорезанный буржуй.

– Я, собственно, хотел узнать, не имеете ли вы известий об одном нашем общем знакомом.

– Лиховцеве? – сразу понял, о ком речь, Дмитрий. – Как раз имею. Мы до Москвы ехали вместе.

– Он живет в Москве?

– Не совсем. Алексей – управляющий в моем поместье. Не делайте такое лицо, имение совсем не большое.

– Бог мой, какие перемены!

– Что есть, то есть.

– Вы не дадите мне адрес?

– Конечно, – кивнул Дмитрий, доставая из кармана визитку. – Вот здесь, на обороте. И знаете что, будет настроение, заходите ко мне. Вспомним войну, помянем павших товарищей. А если нужна будет помощь, сразу же обращайтесь.

– Не премину, – снова нервно дернул головой Гаршин. – Хотя, говоря по чести, я хотел бы забыть многое из того, что видел на той войне.

– Я тоже. Только не получается.

* * *

В целом первый выход в свет подпоручика Будищева оказался более чем успешным. Не всем поведение моряка показалось приличным, но запомнили его все. А некоторые даже пригласили его к себе, надеясь продолжить знакомство. Сам же виновник переполоха отправился домой, рассчитывая завалиться спать, поскольку назавтра ему предстояла важная встреча в Главном артиллерийском управлении, где ему придется в очередной раз показывать пулеметы высокому начальству.

Новая квартира от прежней отличалась, прежде всего, тем, что вход в нее был через парадное, а не со двора. Это считалось более престижным. Но, уже подходя к дому, Дмитрий просто шкурой почуял что-то неладное и решил зайти через черный ход. Тихо поднявшись по лестнице, он без лишнего шума открыл своим ключом предусмотрительно смазанный замок и тенью проскользнул дальше. Похоже, предчувствие его не обмануло, поскольку сидевшая на кухне кухарка была явно испугана.

– Тс! – прошептал он прислуге, приложив палец к губам.

Та в ответ часто-часто закивала, зажав для верности рот.

– Где?

Домна показала рукой в сторону гостиной. Прокравшись дальше, Дмитрий извлек изрядно послуживший ему сегодня револьвер, жалея лишь о том, что осталось слишком мало патронов.

– Это вы, Дмитрий Николаевич? – раздался приветливый голос, и навстречу ему вышел улыбающийся мужчина в мундире жандармского ротмистра. – Наконец-то! А то я уж заждался.

– Как вы...

– Попал сюда? – жизнерадостно продолжил тот. – Через дверь!

– ...догадались, что я вхожу.

– Запахло сгоревшим порохом. Я этот запах ни с чем не перепутаю.

– И откуда же ты такой носатый взялся? – мрачно осведомился подпоручик, направив ствол револьвера в лоб незваному визитеру в хорошо пошитом мундире лейб-гвардейского жандармского эскадрона и с орденом Святого Станислава на груди.

Нос, к слову, у жандарма был отнюдь не велик, скорее даже мал. Да и вообще, во внешности незнакомца не было ничего примечательного. Рост средний, телосложение тоже. Черты лица правильные, но незапоминающиеся. И только глаза выдавали в нем человека мыслящего, незаурядного и способного на всё. Дмитрий хорошо знал этот взгляд, поскольку каждый день видел его в зеркале.

– Нам надобно поговорить, – все так же улыбаясь, повторил гость.

– Говорите, кто вам не дает?

– Вы не могли бы опустить револьвер?

– Нервничаете при виде оружия?

– Скорее, боюсь, что не выдержат нервы у вас. Спустите ненароком курок, а потом что?

– Да ничего, – хмыкнул Будищев. – Вызову полицию и сообщу, что мою квартиру проник вор, переодетый в форму служителя закона, а я его застрелил. Делов-то!

– Так себе план, – поморщился ротмистр. – Начнутся дознания, выяснения и прочая канитель. Залезут в мои бумаги, дела которые я вел. Мне-то на том свете уж все равно будет, а вы гауптвахтой не отделаетесь. Тут каторгой пахнет, если не эшафотом.

– Ладно, – легко согласился подпоручик и опустил ствол, не став, однако, убирать его в потайную кобуру на шинели.

– Вот и славно, – с явным торжеством кивнул тот. – Мы ведь с вами, господин Будищев, не враги. Вы меня до сего дня не знали, а вот я давно хотел свести знакомство, да все вот как-то не получалось.

– Подумать только, какая честь!

– Не любите жандармов?

– Скорее, не уважаю.

– Вот как? – вздрогнул незнакомец, как будто получил пощечину. – И, позвольте полюбопытствовать, по какой же причине?

– А за что вас уважать? Какие-то клоуны толпами носятся за царем с бомбами и револьверами, пока его «кровавые опричники» сопли жуют. И даже когда их режут как баранов, ничего не могут сделать в ответ.

– И как, вы полагаете, надо отвечать? – явно раздраженно спросил жандарм.

– Подобное лечится подобным, – повторил слышанную им от доктора Студитского фразу Будищев. – Зарезал какой-то недоумок жандармского генерала[16 - Главный герой намекает на известного литератора Степняка-Кравчинского, заколовшего кинжалом шефа жандармов Мезенцова. Находясь в эмиграции, он всячески бравировал этим убийством и демонстрировал всем желающим свое оружие.]. Вот пусть его лондонская полиция с этим кинжалом в заднице и обнаружит.

– Отчего же в заднице? – округлил глаза ротмистр.

– Я так понимаю, других возражений нет? – ухмыльнулся Дмитрий. – Понимаете, смерть на эшафоте делает повешенного мучеником. Его считают героем, ему хотят подражать. А вот если «героя» найдут в подворотне, в неприглядном виде, да все это еще угодит в газеты?

– Любопытно, – задумался незванный гость. – Это, конечно, совершенно незаконно, да и вряд ли совместимо с офицерской честью, но определенно в этом что-то есть.

– Главным средством профилактики преступлений должна стать не жестокость, а неотвратимость наказания! – наставительно заметил Будищев. – Вот пусть «господа революционеры» знают, что им нигде не спрятаться от карающей руки правосудия. Что же до «честь», то в безнаказанности преступников ее еще меньше. К тому же никто не заставляет вас делать это лично. Главное организовать процесс.

Никак не ожидавший подобной демагогии жандарм не нашелся чем ответить, а заметивший его замешательство хозяин квартиры с комфортом расположился в кресле, закинув ногу за ногу.

– Так значит, вы, Дмитрий Николаевич, верный слуга престола и отечества, негодующий против безнаказанности террористов? – задумчиво спросил незванный гость, без спроса усаживаясь напротив.

– Вы пришли выяснить мои политические взгляды? Кстати, кто я, вы знаете, а сами не представились. Вы вообще кто такой? Следователь, ведущий дело моей бывшей сожительницы?

– Следователями служат, как правило, чиновники, – наставительно заметил жандарм. – Впрочем, вы правы, неловко получилось. Позвольте, хоть и с опозданием, исправить эту оплошность. Ротмистр Ковальков Николай Александрович. Офицер для особых поручений при графе Лорис-Меликове.

– Чем могу помочь?

– Скорее, это я вам могу помочь.

Голос жандарма вновь стал вкрадчивым.

– Это чем же?

– Ну как же. Вы человек в некотором роде весьма примечательный. Появились из ниоткуда, многое знаете, еще больше умеете. Не имея ни малейшей протекции, сумели пробиться из нижних чинов, стать офицером, изобретателем. Ученым, наконец. Вы слышали, что Лондонское королевское общество собирается избрать вас своим почетным членом?

– Каким членом? – удивился Будищев.

– Вот видите, – с легким презрением в голосе заметил не уловивший иронии Ковальков. – Беспроволочный телеграф изобрести сумели, а про Королевское общество даже не слышали. Это так тамошняя Академия наук называется. Многие, не побоюсь этого слова, выдающиеся научные умы считали за честь состоять в нем. Из наших соотечественников могу привести в пример господина Ковалевского. Отца и сына Струве...

– Меншикова, – внезапно вставил Дмитрий, неожиданно сам для себя припомнив этот факт из биографии сподвижника великого императора.

– Точно, – хохотнул жандарм. – Имелся у светлейшего князя и такой титул. Правда, не за научные достижения, но тем не менее.

– Ну а что, я из дворовых людей, он из конюхов, – пожал плечами подпоручик. – Два сапога – пара.

– А я-то думал, вы сын графа Блудова, – с легкой иронией воскликнул Ковальков, внимательно наблюдая за реакцией собеседника. – Или вы все-таки кто-то другой?

– Это вам его сиятельство граф Лорис-Меликов поручил узнать?

– Нет, что вы. У его сиятельства много иных забот. Но вами действительно заинтересовались важные люди, имен которых я пока не стану называть.

– И что же угодно этим важным господам?

– Сделать вам предложение. Весьма, я бы сказал, щедрое предложение!

– Валяйте.

– Что, простите?

– Называйте цену, черт вас возьми! И не стесняйтесь, здесь все свои.

– Вы получите все, к чему так упорно стремились все эти годы.

– Нельзя ли конкретнее?

– Извольте. Вы хотели, чтобы вас признал граф Вадим Дмитриевич? Это не сложно. Важные люди, о коих я упоминал, могут намекнуть ему, что видеть вас новым графом Блудовым угодно наследнику престола. Этого будет достаточно, чтобы вы получили титул и в перспективе наследство. Вы сватались к дочери барона Штиглица? С такими ходатаями и он не посмеет отказать. Кстати, если ваши чувства к липовой мадемуазель Берг не совсем еще остыли, ее тоже можно будет освободить.

– Короче, Склифосовский! – с неожиданной злостью перебил его Дмитрий.

Столь неуместное упоминание светила военно-полевой хирургии немного удивило жандарма, но вид Будищева был настолько красноречив, что он счел за благо продолжить.

– Ну и наконец, ваши замечательные изобретения, – продолжал незванный гость. – Митральезы Будищева—Барановского будут приняты на вооружение, после чего в самом скором времени воспоследует большой заказ. Вы станете просто чертовски богаты, и заметьте, даже без наследства и приданого будущей супруги.

– А что взамен? – с непроницаемым лицом спросил Будищев.

– Вы слышали о «Тайной антисоциалистической лиге»[17 - Антисоциалистическая лига – первая попытка создать тайное общество монархистов в противовес «Народной воле». Впоследствии ее члены влились в «Священную дружину».]?

– Нет.

– Неудивительно. Это секретная организация, в которую входят многие весьма высокопоставленные персоны. В ее задачи входит защита монархического начала в России, противодействие террору. Наказание совершивших преступления против престола и отечества. В сущности, ровно то, о чем вы только что говорили.

– Хотите, чтобы я делал за вас грязную работу? – усмехнулся Дмитрий.

– Что вы, господин подпоручик. Подобные дела не оплачиваются столь щедро. Нет, вам предлагают вступить в закрытый клуб, куда вхожи очень немногие. Просто примите протянутую вам руку и станьте одним из нас.

– Прошу прощения за откровенность, господин ротмистр, но лично вы не производите впечатления «высокопоставленной персоны», а все, о чем вы говорили, я в самом скором времени получу и так.

– Как знать, как знать, Дмитрий Николаевич. Те особы, о коих я вам рассказывал, ведь могут сказать вашему отцу и будущему тестю нечто совсем противоположное. Что вы неуютны при дворе и потому недостойны ни титула, ни приданого.

– Честно сказать, любезный Николай Александрович, мне глубоко параллельно и то и другое. Единственное, что меня действительно интересует, это заказ. В принципе, его я тоже получу. Прогресс, знаете ли, неостановим. Так что и радио и пулеметы найдут своего покупателя.

– Возможно, вы правы. Весь вопрос в объемах. Вы ведь, если не ошибаюсь, имеете долю с каждого экземпляра? Согласитесь, что отчисления с тысячи митральез будут выше, нежели с сотни.

– Хотите откат?

– Что, простите? Ах, нет. Речь вовсе не о деньгах. Я говорю совсем о других вещах. В частности, о безопасности.

– Чьей?

– Вашей, господин Будищев.

– Вы мне угрожаете?

– Ну что вы! Просто может ведь случиться всякое. Скажем, найдется та самая дворовая девка, якобы прижившая в имении покойного капитан-лейтенанта Блудова ребенка, и скажет, что видит вас первый раз в жизни.

– Тьфу на вас, – пожал плечами Будищева. – Меня признали сыном этой женщины староста и приходской священник в присутствии мирового судьи и кучи свидетелей. Что же касается предполагаемого отцовства, то я никогда не утверждал, будто являюсь сыном графа Вадима Дмитриевича.

– Но вы говорили об этом цесаревичу! – попытался возразить ротмистр.

– Ничего похожего. Я сказал его императорскому высочеству, что в детстве видел у матери портрет, изображавший человека, похожего на графа Блудова. К сожалению, портрет пропал при пожаре еще в те далекие времена. Так что тьфу на вас еще раз!

– А как насчет того несчастного студента, внезапно научившегося стрелять и убившего великого князя Алексея Александровича? – вышел из себя жандарм. – Может статься, ваша бывшая сожительница изменит показания и скажет, что вы вовсе не были с ней той роковой ночью!

– И тем самым обвинит в подлоге множество высоких чинов, раскрутивших по горячим следам то громкое дело и получивших за это награды. Полагаю, они будут очень рады вашему рвению!

– Вы думаете, у вас на все есть ответы?! – бросился к своему визави Ковальков и тут же свалился от острой боли в колене.

Удар оказался неожиданно болезненным, а когда к растянувшемуся жандарму вернулась способность соображать, руки его оказались связанными, а рот заткнут кляпом.

– Очухались, Николай Александрович? – почти участливо поинтересовался Будищев. – Ну что же вы так. Начали во здравие, а кончили за упокой. Пугать вздумали...

Связанный жандарм дернулся и промычал в ответ нечто невразумительное. Впрочем, Дмитрий его прекрасно понял.

– Конечно, пожалею. Вот исповедаюсь отцу Питириму и сразу начну жалеть. Он ведь такие суровые епитимии назначает, просто жуть!

Ковальков еще несколько раз дернулся, но моряк, не обращая на него внимания, начал деловито обматывать кочергу скатертью, стараясь делать это как можно более демонстративно.

– Вы хотите знать, что я делаю? – спросил Будищев, заметив заинтересованный взгляд своего пленника. – Все очень просто. Так не будет слышно удара. Ну, почти не слышно. Но я отвлекся. Скажите, юноша, вы хотите жить?

Ответом ему был взгляд, полный презрения, но в глубине глаз жандарма металась паника.

– Зря хорохоритесь, умереть ведь можно по-всякому. Я сейчас вам одну ногу сломаю, потом другую. Затем наступит черед рук, а если и это не поможет, разогрею кочергу в камине и засуну куда-нибудь очень глубоко-глубоко. Это, конечно, займет некоторое время, но у меня его более чем достаточно. В отличие от вас. Прислугу я услал, отчего свидетелей не будет. По весне, если повезет, объединенный рыбами труп найдут в Неве. Как вы думаете, многие ли свяжут ваше исчезновение с известным изобретателем, фабрикантом и членом Королевского общества?

Будищев очень сильно рисковал. Пришедший к нему жандарм, действительно, многое знал и предложил в качестве пряника именно то, к чему он так сильно стремился. К тому же он пока что ничего не потребовал взамен, ни письменного согласия на сотрудничество, ни клятвы кровью на древнем алтаре. Но вместе с тем от всей этой попытки вербовки явно пахло какой-то самодеятельностью. Ковальков выглядел, как игрок, поднимавший в надежде сорвать куш ставку за ставкой. Оставалось узнать, есть ли у него козырь?

– А теперь, мил человек, – продолжил подпоручик, видя, что клиент проникся создавшейся ситуацией, – ты мне все максимально подробно расскажешь. Кто ты такой, чем дышишь и кто тебя прислал. Явно ведь не Лорис-Меликов?

– Нет, – выдохнул ротмистр, как только ему вытащили кляп.

Ковалькову приходилось бывать на войне и даже видеть допрос пленного турецкого офицера. Тот говорил по-французски и вел себя, как благородный человек, а потому с ним обошлись с подобающей случаю гуманностью. Спросили лишь, в каком полку тот служил и кто им командовал, после чего велели накормить и отправили в тыл. А тут на его глазах вежливый и недалекий провинциал, отчаянно пытавшийся подражать окружавшим его аристократам, вдруг превратился в безжалостную машину для убийств. И от этого стало страшно.

– И никакие важные господа тоже не отправляли? – продолжал допрос окончательно переставший выкать Дмитрий. – Ну не кривись, лет через двадцать, когда станешь генералом, тогда тебя к ним пустят, а пока что за счастье в приемной постоять. Верно?

– Да, – вынужден был признаться жандарм, с ужасом поглядывая на своего мучителя.

– А как тебе вообще в голову пришла идиотская мысль, будто я причастен к гибели великого князя?

– А разве нет? – попытался сыронизировать пленник, но тут же получил болезненный удар по печени.

– Вопросы здесь задаю я, – вернул диалог в конструктивное русло Будищев.

– От Вельбицкого, – прохрипел жандарм, как только к нему вернулась способность говорить. – Мы с ним давно знакомы. Нет, он никому кроме меня не говорил о своих подозрениях.

– А ты что, особенный?

– Нет. Это было после взрыва в Зимнем дворце. Мы после караула замерзли как собаки. Поехали в одно заведение и заказали пунша. Ну, вот он и проговорился. Я запомнил. Нет, мы были вдвоем. Девочек не звали.

– Что там с тайным обществом, или, мать ее, лигой?

– Лига действительно существует. Ее представители и сочувствующие есть во всех министерствах и департаментах, а также гвардейских полках. Цели ровно те, о которых я вам рассказывал. И да, они вами интересовались. Не в качестве равноправного партнера, разумеется, но как человека решительного и склонного к насилию.

– В смысле?

– Ну, вы же сами всем, включая генерала Хлынова, говорили, что парламент только тем и хорош, что позволяет собрать в одном месте всех болтунов и перевешать их в случае надобности. Вот вами и заинтересовались.

– Хлынов тоже в лиге?

– Нет, конечно! Помилуйте, он же круглый дурак.

– Понятно. Точнее, ни хрена не понятно. А ко мне ты зачем пришел? Выслужиться хотел?

– Да.

– И никто тебе не приказывал?

– Нет.

– Нет, я реально с тебя охреневаю! Инициатива поимела инициатора... Ладно, рассказывай дальше. Адреса, пароли, явки. В смысле имена, чины, должности. Кто главный, кто так, сбоку припека?

Расколовшийся жандарм пел как соловей. Имена генералов, сенаторов и даже великих князей следовали одно за другим. В целом вырисовывалась очень

странная картина с монархическим заговором, вот только против кого? С «Народной волей» все понятно, но в лиге был наследник цесаревич, его братья, многие члены правительства, не хватало лишь самого царя и Лорис-Меликова. Или их не предполагалось изначально?

– Вы ведь понимаете, что теперь, когда вы знаете все, обратной дороги нет? – тяжело дыша, спросил Ковальков. – Вам волей-неволей придется присоединиться к нам либо бежать.

– А почему бы и не присоединиться? – ухмыльнулся Будищев, в очередной раз изумив своего пленника. – Вон какая славная компания!

– Послушайте, – помотал головой совершенно сбитый с толку ротмистр, – клянусь честью, я никому не скажу ни о нашем разговоре, ни об обстоятельствах, при которых он случился. Опустите меня, а?

– Так просто взять и отпустить? Ну-у, даже не знаю...

– Что вы хотите?

– Да сущую безделицу. Я сейчас кое-что напишу на листе бумаги, а ты прочитаешь. С чувством, с толком, с расстановкой и без дурацких комментариев. Только текст. Понятно?

– Но зачем?

– Еще по печени захотел? – поинтересовался Будищев, с жалостью глядя на бестолкового пациента.

– Нет! Хорошо, давайте вашу бумагу.

– Джастин момент[18 - Искаженное just a moment – одну минуту (англ.)], – отозвался Дмитрий, вызвав еще одну болезненную гримасу у связанного, и, подойдя к бюро, принялся быстро писать на листке. Затем зачем-то заглянул в комод, произвел в нем какие-то манипуляции, после чего подтащил клиента поближе и положил перед ним текст.

– Я, Ковальков Николай Александрович, вступая в ряды «Народной воли», торжественно клянусь: быть смелым, честным, дисциплинированным революционером и до последней капли крови бороться с тиранией в России. А если я предаю своих товарищей по борьбе, то пусть меня постигнет суровая кара трудового народа!

Все это ошарашенный ротмистр прочитал без единого возражения и, лишь когда текст закончился, позволил себе осторожно спросить:

– Что это за бред?

– Практически явка с повинной, – охотно пояснил ему Дмитрий.

– Если вы думаете, что я это подпишу, то вы просто идиот!

– И не надо, – с довольством обожравшегося краденой сметаной кота отозвался Будищев, после чего снова подошел к комоду и поставил иглу на восковой цилиндр. Фонограф зашипел, и не верящий своим ушам жандарм услышал, как присягает на верность революции.

– Техника на грани фантастики! – мечтательно проговорил подпоручик. – И главное, голос хорошо узнаваем. Представляете, что скажет Михаил Тариэлович, если услышит эдакую арию в вашем исполнении?

– Отдайте, – нервно сглотнув, попросил жандарм.

– Ага, щаз! Шнурки вот только поглажу, – издевательски отозвался подпоручик, запирая комод, после чего повернулся к связанному и с нехорошей улыбкой в голосе спросил: – Гости дорогие, а не надоели ли вам хозяева?

– Что? – непонятливо спросил ротмистр.

– Я говорю, пошел вон отсюда, – охотно разъяснил ему свою позицию подпоручик. – О месте и дате следующего заседания будет сообщено дополнительно.

– Вы хотите...

– Если честно, не очень. Но раз уж приключился такой случай, грех его упускать! Короче, своему начальству можешь доложить, что я согласен по всем пунктам. Страстно хочу стать графом, зятем и поставщиком армии. Если какой косяк, бежишь ко мне впереди собственного визга и докладываешь. В особенности это касается завтрашнего заседания в Главном артиллерийском управлении. Если ваша организация и впрямь что-то собой представляет, я хочу ощутить ее всемерную поддержку. Понял?

– Понял, – обреченно вздохнул Ковальков, после чего с явной неохотой спросил: – Вы меня не развяжете?

– Конечно, – отозвался Будищев, перерезая стягивающий руки пленника шнур.

Получив свободу, тот сначала потер затекшие руки, потом оценил взглядом крепость комода, кочергу и все еще находящийся на виду револьвер хозяина квартиры, после чего окончательно понял, что на сей раз проиграл.

– Так я не прощаюсь, – со значением в голосе сказал жандарм.

– Всего хорошего, – изобразил любезный поклон Дмитрий, после чего, тщательно закрыв входную дверь, сокрушенно вздохнул. – Дикие времена – дикие нравы! Звукозаписывающая аппаратура уже есть, а использовать ее по назначению не умеют. Дикари-с!

В этот момент раздалась трель электрического звонка, и Будищев снова взялся за запоры, бурча себе под нос: «Ты что, тросточку забыл?»

– Ой, – испугалась оказавшаяся за дверью Стеша. – А зачем револьвер?

– Маленькая предосторожность никогда не помешает, – ничуть не смутился подпоручик. – Ты что так поздно?

– Я бы не пришла, да только вот...

– Что еще случилось?

– Семка в больнице! – заплакала девушка и уткнулась в грудь Будищеву.

– Почему?

– Прохор его отколотил!

– Какой еще на хрен Прохор?!

– Приказчик в лавке. Говорила я Семушке, не задирай этого дурака, а он...

– А вот с этого момента попрошу поподробнее, – нахмурился подпоручик.

– Этот Прошка давно ко мне клеился, – сбивчиво начала Стеша, поминутно всхлипывая. – Я его отшила, а он не понимает. А Семка влез, а я...

– Понятно, – остановил поток бессвязных фраз вперемежку со слезами Дмитрий. – Есть только один вопрос: а раньше мне всю эту байду рассказать нельзя было?

* * *

Совещание в Главном артиллерийском управлении, состоявшееся на следующее утро, на первый взгляд являлось простой формальностью. Несомненная эффективность митральез системы Барановского—Будищева, которые с легкой руки одного из изобретателей все чаще называли пулеметами, была самым блестящим образом доказана во время похода на Геок-Тепе.

Несмотря на то, что завистники генерала Скобелева стремились всячески принизить значение этой военной кампании, все причастное к нему начальство получило приличествующие их чину и заслугам награды, а посему был настроен весьма благодушно.

В первую очередь это конечно же касалось сидевшего на почетном месте генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, лично настоявшего на посылке морской батареи в отряд Скобелева, а также его августейшего брата генерал-фельдцейхмейстера Михаила Николаевича. Последний, правда, по

уважительной причине отсутствовал, ибо помимо всего прочего являлся еще и наместником на Кавказе. Однако в деле имелось подготовленное по его личному приказу заключение о крайней полезности вышеуказанных митральез в войсках, противостоящих иррегулярной кавалерии.

Но главная интрига заключалась не в самом приеме на вооружение, а в масштабах предстоящих закупок. Одни полагали достаточным иметь пулеметы в гарнизонах крепостей, усилив каждый из них противотурмовой батареей. Другие находили полезным включить такие же батареи в состав артиллерийских бригад, чтобы иметь возможность придавать их, в случае надобности, линейным войскам. И наконец, третьи вообще не имели никаких собственных мыслей, а полагались исключительно на благоусмотрение начальства.

Впрочем, имелись у нового оружия и противники. В открытую выступить против двух великих князей они, разумеется, не решались. Но вполне разумно, как им самим казалось, указывали на дороговизну митральез и отсутствие их на вооружении армий других европейских держав. А, кроме того, на огромное количество потребных к ним огнеприпасов.

– Согласно этой ведомости, – вещал с елейной улыбкой на губах генерал Фадеев, – на долю митральез морской батареи во время последней экспедиции в Геок-Тепе пришлось две трети израсходованных патронов. Не слишком ли большой расход для казны, господи?

Денежный вопрос всегда был проклятым в вооруженных силах Российской империи. Протяженные границы и огромное количество врагов заставляло правительство и государя содержать значительную армию, финансирование которой обходилось в совершенно баснословные суммы. Стоит ли удивляться, что попытки сэкономить на них всегда находили самую горячую поддержку в верхах?

– К тому же я полагаю, – угодливо глядя на непосредственного начальника, добавил полковник Эрн, – что данный поход совершенно не характерен для современной войны.

– Что вы имеете в виду? – прищурился великий князь Константин Николаевич.

– Видите ли, ваше императорское высочество, – заюлил начальник Охтенского полигона, – во время последней войны с турками митральезы себя проявили не слишком хорошо. О чем может свидетельствовать присутствующий здесь подполковник Мешетич.

Пока шли прения, Барановский с Будищевым скромно держались в сторонке, стараясь не мешать экспертам. Дмитрий, правда, несколько раз порывался вставить свои пять копеек в доводы выступающих, но компаньону до поры до времени удавалось сдерживать эти порывы. Но, наконец, пришел и их черед.

– У вас есть что сказать, господа-изобретатели? – прямо спросил Фадеев.

– Так точно! – по-солдатски ответил ему Дмитрий, оттерев, наконец, в сторону Владимира Степановича.

– Слушаем вас, – благосклонно кивнул генерал, которому явно понравилось, как недавний унтер отпихнул штафирку[19 - Штафирка, шпак, стрюцкий – презрительные клички штатских (воен. жарг.).].

– Ваше императорское высочество, ваши превосходительства, господа, – начал свою речь подпоручик, обведя всех присутствующих самым честным взглядом, какой только смог изобразить. – Увы, все новое стоит денег. Пушка конструкции, к сожалению, отсутствующего здесь генерала Маиевского стоила дороже прежних гладкоствольных орудий. Пришедшая ей на смену пушка образца 1867 года еще дороже, а уж про новейшие орудия образца 1877-го и говорить нечего. Такова цена за неизбежный прогресс! И возникает совершенно закономерный вопрос: стоят ли новейшие усовершенствования потраченных на них денег?

– Что вы несете? – почти простонал сквозь зубы Барановский.

– Но позвольте спросить, господа, – нимало не смущаясь, продолжал Будищев, – а в какую сумму обошлась казне несчастная экспедиция генерала Ломакина?

– А при чем здесь это? – вылупил водянистые глаза Фадеев.

– А как оценить ущерб репутации, который понесли Русская императорская армия и священная особа государя императора?

– Уж не хотите ли вы сказать...

– Так точно! Именно об этом я и говорю, у покойного генерала Ломакина не было пулеметов, а у нас они были!

– И вы полагаете, что успех похода принадлежит именно этому обстоятельству?

– Я считаю, что победа была predetermined тщательной подготовкой и вниманием ко всем мелочам, в том числе и обеспеченностью новейшим вооружением. В особенности пулеметами, значение которых трудно переоценить. Текинцы, несмотря на свою несомненную храбрость и фанатизм, теряли от их огня множество людей, наши же потери были ничтожны!

«Каково излагает, подлец! – ухмыльнулся про себя великий князь. – Ему бы не гальваникой заниматься, а адвокатурой».

– Но опыт войны с турками... – попытался возразить генерал, но Будищева было не остановить.

– Показал, – тут же подхватил тот, – что при правильном использовании даже устаревшие митральезы Гатлинга могут быть крайне полезны, а новейших пулеметов тогда просто не было!

– Господин подпоручик прав, – подал голос Мешетич. – Митральезы или, если угодно, пулеметы его конструкции легче, а значит, маневреннее, нежели прежние образцы. К тому же они более надежны. Если таковые оказались бы на вооружении находившейся под моей командой батареи, результаты применения были бы иными.

Это предположение вызвало оживление среди участников совещания, так что председательствующему на нем Фадееву пришлось наводить порядок.

– Тише, господа, тише!

– Умоляю, придержи свое красноречие, – шепнул Дмитрию компаньон, воспользовавшись паузой, – ты говоришь, как газетчик!

– Именно это и будет напечатано в сегодняшней прессе, – ухмыльнулся в ответ моряк и, видя недоумение товарища, пояснил: – Пришлось знакомых репортеров напярчь.

– Когда ты только все успеваешь? – покачал головой Барановский.

– Встаю рано, – придал своей физиономии постное выражение Будищев.

На самом деле, это вышло совершенно случайно. Рыскавший по Питеру в поисках сенсации Постников попался ему в Пассаже. Угостив старого знакомого обедом, Дмитрий с удовольствием травил ему байки о походе, стычках с текинцами, вороватых маркитантах и прочем.

Затем речь плавно перешла на пулеметы и предстоящее совещание в Главном артиллерийском управлении. Что интересно, пока они ели и разговаривали, за их столиком непонятно откуда материализовался старший товарищ Постникова – Нарышкин. Услышав, о чем они толкуют, старый репортер тут же стал накидывать текст будущей статьи, не забывая при этом выпивать и закусывать. Некоторые фразы, выданные прожженной акулой пера, показались Будищеву интересными, и он их запомнил, а сегодня беззастенчиво влил в уши высокого начальства.

Как бы то ни было, совещание закончилось более чем успешно. Высокие договаривающиеся стороны пришли к выводу, что во всех крепостях и артиллерийских бригадах в дополнение к имеющимся пушечным и мортирным батареям надобно иметь по две пулеметные. Окончательное решение конечно же зависело от государя императора, но в том, что оно будет положительным, никто не сомневался.

– А сколько у нас бригад? – озадачился внимательно слушавший вердикт Будищев.

– Пятьдесят одна, – также тихо ответил ему Барановский.

– А крепостей?

– Более шестидесяти.

– Так это значит, – едва не задохнулся Дмитрий, подсчитав в уме планирующийся объем заказов. – Больше полутора тысяч пулеметов, плюс ленты, короба, станки, машинки для снаряжения лент... Три ляма минимум!

– Три с половиной, – кивнул компаньон. – И полмиллиона из них ваши!

* * *

Несмотря на то, что всю ночь шел снег, утро выдалось просто восхитительным. Небо совершенно очистилось и просто поражало своей хрустальной синевой. Не успевший испачкаться от дыма многочисленных печей снежок искрился под лучами встающего солнышка и приятно поскрипывал под ногами. Впрочем, простым людям некогда любоваться красотами. Дворникам надо убрать столь некстати появившиеся сугробы, мальчикам из лавок доставить клиентам продукты, прочим просто добраться до места работы.

Но то простым, а вот, к примеру, Люсии Штиглиц можно было и поспать. Окна в ее маленькой по меркам особняка придворного банкира спальне были плотно завешаны плотными портьерами, отчего в ней царил полумрак. Застеленная тончайшим бельем кровать была мягкой, а предутренний сон так сладок, что не было ни малейшей возможности открыть глаза, но... к ней уже кралось ужасное чудовище.

Острое обоняние помогало ему ориентироваться в окружающей темноте. Мягкие персидские ковры гасили звук ступающих по ним лап, а непревзойденный слух ясно указывал, где сопит потенциальная жертва.

Клац! – острые клыки сомкнулись на одеяле и потащили его в сторону, раскрывая мирно спящую барышню. Почувствовав холод, та попыталась схватиться за край стремительно исчезающего полотна, но не тут-то было! Сообразив, что жертва сопротивляется, коварная зверюга удвоила усилия, и одеяло с легким шелестом оказалось на полу.

– Сердар! – простонала девушка. – Как тебе не стыдно!

– Вав, – отвечал ей изрядно подросший щенок, на морде которого не имелось ни малейших признаков раскаяния.

– Ну отчего бы тебе сегодня не дать мне хоть немножечко поспать?

Если бы среднеазиатские алабаи могли пожимать плечами, он, вероятно, так бы и сделал, но поскольку это было за пределами возможностей собачьей породы, да и утро с его точки зрения ничем не отличалось от прочих, поэтому он просто сказал:

– Вав!

– Я знаю, тебе хочется гулять, но почему же ты не можешь сделать это с дворником или камердинером?

– Вав, – последовал ответ, а все, что не смог передать несовершенный голосовой аппарат пса, ярко выразила мимика.

Да-да, не удивляйтесь, на морде Сердара было столь явно написано обожание любимой хозяйки и презрение к лицам, только что ею перечисленным, что Люсия не выдержала и засмеялась.

Погладив щенка, девушка легко поднялась и, подойдя к окну, дернула за шнур. Тяжелая портьера неохотно сдвинулась, и в спальню хлынули потоки утреннего света. Обернувшись к зеркалу, Люсия окинула себя таким требовательным взглядом, каким могут смотреть только юные девицы, способные углядеть любой несуществующий недостаток в своем теле, лице или прическе.

Но положив руку на сердце, можно констатировать, что у юной баронессы не имелось ни малейшего изъяна. Будучи от природы худощавой и гибкой, она обладала весьма пропорциональной и женственной фигурой, достоинства которой нисколько не скрывала тонкая рубашка. Точеным чертам лица могли позавидовать модели Праксителя, а гладкая и свежая кожа придавала своей хозяйке прелесть совершенно неизъяснимую. Разве что волосы после сна немного разлохматились, но это было легко поправить.

– А в самом деле, почему бы нам не погулять? – спросила сама себя довольная осмотром барышня. – Утро-то совершенно чудесное!

– Вав, – отозвался Сердар, всем своим видом показывая, что только об этом и толкует ей битых полчаса.

Увы, собраться девице из высшего общества вовсе не так просто, как их сверстницам из низких сословий. Надобно умыться, одеться, привести себя в порядок, а одной это сделать несколько затруднительно. К счастью, есть прислуга.

В чем в Питере нет недостатка, так это в молодых и не очень людях, желающих наняться в услужение к хорошим хозяевам. Русские, чухонцы, немцы, французы, поляки и представители еще бог знает каких наций жаждут жить в господском доме и выполнять все прихоти своих господ. И дело даже не в жалованье, которое относительно невелико. Нет, их прельщает возможность жить на всем готовом, носить богатое, пусть и форменное платье, какое они в ином случае никогда не смогли бы себе позволить, хорошо питаться с барского стола и не знать тяжелой изнурительной работы.

Прежде у Люсии не было личной горничной. Старая няня ее давно умерла, а в институте благородных девиц отдельная прислуга не полагалась. Когда же барышня добровольно вступила в Красный Крест и отправилась на войну, об этом не могло быть и речи. Все приходилось делать самой, иногда деля тяготы походной жизни вместе с другими сестрами милосердия. Но теперь, когда она вернулась, отец озаботился, и в их доме появилась Маша – смешливая миловидная девушка родом из деревни рядом с Питером, издавна поставлявшей в столицу свежее молоко, зелень и прислугу.

– Ой, барышня, – зевнула Маша, берясь за гребень, – и охота вам вставать в эдакую рань?

– Надо Сердарчика выгулять, – благожелательно улыбнулась Люсия.

– Вот аспид, – всплеснула руками горничная, – никому от него в доме житья нет!

Услышав нелестную характеристику, алабай весьма выразительно посмотрел на девушку, отчего та немного струхнула.

– Он хороший пес, – мягко возразила ей хозяйка, поглаживая своего любимца.

– Конечно, хороший, – охотно согласилась та. – Особенно когда спит зубами к стенке. Вот тогда мимо него даже без палки пройти можно!

Надо сказать, что в словах девушки была определенная доля истины. Сердар, несмотря на молодость, действительно, обладал своенравным характером и всегда был готов его продемонстрировать. Быстро уяснив, кто есть кто, пес решил, что Люсию он по-прежнему обожает, к хорошо знакомому ему Людвигу относится с симпатией, старого барона уважает, а прочих только терпит. И только до тех пор, пока они не вторгаются в его личное пространство. А личное пространство, само собой, разумеется, включало весь особняк Штиглицев и прилегающую к нему территорию.

– Фриштыкать-то будете? – поинтересовалась девушка, покончив с прической[20
- Fr?hst?ck – завтрак (нем).].

– Нет, – невольно улыбнулась Люсия. – После прогулки.

Поскольку вся остальная прислуга в доме была выходцами из Германии, говорили в нем зачастую тоже по-немецки. Оказавшаяся таким образом единственной русской среди них Маша, хоть и не освоила наречия алеманов, иногда вставляла в свою речь немецкие словечки, неизменно веселя этим свою молодую хозяйку. Вообще, несмотря на разницу в статусе, девушки быстро сошлись и стали почти подругами.

– Батюшка ругаться будут, – поджала губы горничная, которой вовсе не улыбалось пропустить завтрак и потом давиться на кухне тем, что ей оставят, под презрительным взглядом кухарки.

– Оставь, – слегка поморщилась не подозревающая о таких нюансах барышня. – Он даже не заметит моего отсутствия.

– А братец? – сделала последнюю попытку Маша.

– А он разве дома? – высоко подняла брови Люсия.

– Да куда же ему деваться? – прикинулась душой девушка, прекрасно зная, что записавшийся вольнослушателем в Михайловскую артиллерийскую

академию Людвиг усвистал из дома ни свет ни заря. Ему нужно было встретиться с каким-то товарищем и обменяться не то чертежами, не то конспектами.

Как ни старалась Маша, ей так и не удалось убедить свою молодую хозяйку позавтракать, так что волей-неволей пришлось сопровождать ее на прогулку. Но тут уж ничего не поделаешь.

А вот кто действительно был рад оказаться за стенами особняка, так это Сердар! В мгновение ока пронесся он по пустынным аллеям маленького парка. Залез во все сугробы, обнюхал с опаской глядящего на него дворника, обгавкал для порядка редких прохожих за оградой и, не обнаружив нигде исчадий ада, которых люди отчего-то зовут котами, совершенно успокоился.

– Надеюсь, ты рад? – невольно улыбнулась, глядя на довольную морду щенка, Люсия.

– Вав, – степенно отвечал тот.

– Еще бы не рад, оглоед! – пробурчала про себя Маша, но под внимательным взглядом будущего волкодава осеклась и сочла за благо в дальнейшем помалкивать.

А Люсия тем временем, как и полагается романтичной особе ее лет, предавалась мечтам о том, кто подарил ей Сердара.

– Думает ли он обо мне теперь? – чуть слышно спросила она.

– Конечно, думает, барышня! – убежденно отвечала посвященная в сердечные тайны своей хозяйки горничная. – Разве же может быть иначе?

– Да, может, он и вовсе спит, – больше из духа противоречия возразила юная баронесса, втайне надеясь, что наперсница станет ее разубеждать.

– Может, и спит, – пожала та плечами, – но скорее всего, завтракает. И вам бы пора. Да и песика вашего подкормить не мешало бы. Вон он какой тощий!

* * *

Надо сказать, что говоря о Будищеве, милые девушки заблуждались. Он не ел и тем более не спал, поскольку еще ранним утром отправился на склады, где его ожидали верный Шматов и два почтенных господина, привлеченных в качестве оценщиков. Им сегодня предстояло осмотреть привезенное с войны добро и вынести вердикт о его ценности.

Всю прошедшую неделю Федор практически не покидал складов, готовясь к предстоящей «презентации». Чистил серебро, раскладывал на стеллажах сабли с кинжалами, развешивал наиболее красивые, с его точки зрения, ковры. Наконец, все было готово, и парень с замиранием сердца ждал приговора. Быть ли ему богатым?

Эксперты с важным видом ходили от одной стены к другой, ворошили залежи ковров, морщась при виде пробоин от пуль и потертостей. Потом их внимание привлекло оружие и предметы утвари. В особенности те из них, которые благодаря стараниям Феди радовали глаз нестерпимым блеском.

– Сеньор Шматов, – не выдержал один из них. – Зачем вы натерли это?

– Ну как же, – растерялся будущий купец. – Что бы, значит, красивше было.

– Что-то не так, господин Манчини? – заинтересовался разговором подпоручик.

– Все не так, сеньор Будищев! – всплеснул руками темпераментный итальянец. – Разве же можно старые вещи так чистить?

– И в чем проблема? – не понял Дмитрий.

– Но они выглядят как... ремейке! [21 - Remake - новодел.]

– То есть как новодел, – сообразил моряк.

– Си! [22 - S? – да (ит.).]

– Чего это басурманин толкует? – осторожно спросил у компаньона Федя, опасливо поглядывая на отчаянно жестикулирующего итальянца.

– Говорит, что ты сабли попортил, когда чистил.

– Что?!! Врет, антихрист! Как есть поклеп возводит, жидовская морда!

– Он не еврей, – скупое усмехнулся всплеску бытового антисемитизма Дмитрий. – Скажи лучше, много ли начистил?

– Нет. Только эти, что на виду.

– Тогда не страшно, – махнул рукой подпоручик. – У себя в квартире по коврам развешу. Только остальное не тронь.

Специалист по коврам, в отличие от своего напарника, оказался хорошо говорящим по-русски флегматиком, как, впрочем, и подобает коренному петербургскому немцу.

– Что скажете, господин Клопп? – повернулся к нему Будищев.

– Кое-что ценное есть, – с невозмутимым видом отозвался тот.

– Например?

– Вот это, пожалуй, – ткнул пальцем в один из ковров эксперт, – представляет определенный интерес. Очень редкий рисунок и работа весьма искусная. Полагаю, такой ковер может стоить до трехсот рублей или даже больше.

– За такой махонький? – выпучил глаза Шматов, давший какому-то солдату за целую охапку таких же пятерку.

– Это коврики для исламской молитвы, или как его еще называют, намаза, – терпеливо пояснил немец. – Они не бывают больших размеров.

– А тогда за этот сколько? – с замиранием сердца поинтересовался Федор, показывая на большой ковер с вытканными на нем большими медальонами, разделенными на четыре части, с затейливым орнаментом на каждой из них.

– Полагаю, около ста рублей.

– Так он же большой! И пулями не траченный...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Имеется в виду Русско-турецкая война 1877–1878 годов.

2

Автор в курсе, что чай – куст, но так его тогда называли – «китайская травка».

3

Из сборника питерских частушек Льва Вайсфельда и Натальи Резник.

4

То есть декабристов.

5

То есть высшим, небесным.

6

Ведро – русская мера объема. 12,3 литра.

7

Орден Святой Анны IV степени.

8

Птифур – вид пирожного.

Bastard – в переводе с французского означает «ублюдок».

Александр Александрович Андре – известный московский педагог, женатый на двоюродной сестре Антонины Дмитриевны – Елизавете Васильевне Блудовой. В 1870-м ему было высочайше разрешено именоваться Блудовым-Андре.

На самом деле гораздо меньше.

Министр путей сообщения Российской империи в 1874–1888 гг.

Мать Антонины Дмитриевны была княжной из рода Щербатовых.

То есть среди наград не было боевых.

15

Стрелки лейб-гвардейского батальона императорской фамилии носили своеобразную форму в народном стиле, за что их в гвардии за глаза называли «извозчиками».

16

Главный герой намекает на известного литератора Степняка-Кравчинского, заколовшего кинжалом шефа жандармов Мезенцова. Находясь в эмиграции, он всячески бравировал этим убийством и демонстрировал всем желающим свое оружие.

17

Антисоциалистическая лига – первая попытка создать тайное общество монархистов в противовес «Народной воле». Впоследствии ее члены влились в «Священную дружину».

18

Искаженное just a moment – одну минуту (англ.).

19

Штафирка, шпак, стрюцкий – презрительные клички штатских (воен. жарг.).

20

Frühstück – завтрак (нем).

21

Remake – новодел.

22

Sì – да (ит.).

Купить: https://tellnovel.com/ochenkov_ivan/strelok-nesostoyavshiysya-graf

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)